

ЛЮБОВЬ {LEO} ПАРШИНА

Юноша и Зверь

[ИСТОРИЯ ЧЁРНОГО СЕРЕБРА]

Любовь Паршина

**Юноша и Зверь. [история
чёрного серебра]**

«Издательские решения»

Паршина Л. {.

Юноша и Зверь. [история чёрного серебра] / Л. { . Паршина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969910-7

Санкт-Петербург, 1909 год. Гимназист Александр Кононов волею случая знакомится с англичанином Филиппом Лорелом. Филипп богат, красив и молод. На первый взгляд...А еще он любит рассказывать страшные, порочные истории, и главные герои этих историй удивительно похожи на него и на его друзей. Не будет ли последняя рассказанная история о самом Александре?

ISBN 978-5-44-969910-7

© Паршина Л. {.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Гимназист	6
Глава вторая. Зверь	13
Глава третья. Пасха	25
Глава четвертая. Ренефер	33
Глава пятая. Жаннет	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юноша и Зверь [история чёрного серебра]

Любовь {Leo} Паршина

*«...Раскупорив сундук,
приплывший к нам с Востока,
С замком, под пальцами скрежещущим жестоко,*

*Иль в доме брошенном и пыльном разыскав
Весь полный запах годов минувших шкаф,
Случалось ли тебе найти флакон забытый, —
И в миг оваян ты душой, в стекле сокрытой.*

*Там в забытии дремал, с тяжёлым мраком слит,
Рой мыслей, словно горсть печальных хризалид*

...

*Душа низринута во тьму седых веков,
Где Лазарь, весь смердя, встает среди гробов,
Как привидение, и саван разрывает;
Восторг былых страстей в нем сердце надрывает.*

*Так погружусь и я в забвенье и во мглу,
Заброшен в пыльный шкаф, забыт в его углу;
Флакон надтреснутый, нечистый, липкий, пыльный —
Я сохранию тебя, чума, как склеп могильный.*

*О жизнь моей души, о сердца страшный яд!
Я всем поведаю, что твой всемогущий взгляд,
Что сами ангелы мне в грудь отраву влили
И что напиток тот мои уста хвалили!*

*Шарль Бодлер, XLVIII. Флакон. «Цветы зла» (Перевод
с французского Эллиса)*

© Любовь {Leo} Паршина, 2019

ISBN 978-5-4496-9910-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Гимназист

Санкт—Петербург, март 1909 года

Погожим весенним днем по Петербургским улицам очень быстрым шагом шел молодой человек. Был он среднего роста, темноволосый, кареглазый и бледный, шестнадцати полных лет, ученик седьмого класса классической гимназии. Звали его Александр Кононов, он имел привычку смеяться громко и не к месту и смотреть на мир с любопытством и опаской хищного зверька...

Впервые в этом году день стоял совсем весенний. Солнце ласково грело грубую шкурку гимназической шинели, тужурку и даже кожу под ними.

Саша подумал было – не снять ли шинель, но затем решил, что тогда станет слишком холодно. Так он и мчался по петербургским улицам, перепрыгивая лужи.

Он знал, что Антон Ижевский, старый его приятель, ворчать не станет, но как раз таки от этого и совестно было опаздывать.

Встретиться заранее условились возле Гостиного Двора. Саша отчего-то решил, что удобнее будет пройти от гимназии дворами и закоулками, чем выходить на Невский и ехать на трамвае. Теперь же, еле поспевая к назначенному часу, он горько жалел о своем решении.

Наконец, между домами показалась желтая аркада, окружавшая Гостиный. Саша даже увидел Антона, стоящего под ее сенью. Только стоял Антон как-то странно – замерев, смотря в одну точку. Стремясь попасть в поле его зрения, Саша завернул за одну из многочисленных арочных опор... и со всего маху налетел на так некстати вставшего в тени господина. Господ, правда, тут стояло двое, но второй – с медными волосами, в темно-сером пальто – находился чуть в отдалении, ближе ко входу в лавку. Тот, с которым Саша столкнулся, был, в противоположность своему спутнику, весь золотисто-светлого тона – от волос до костюма и пальто.

– Простите, сударь, – пробормотал Саша. – Pardon, monsieur...

Господин посмотрел на гимназиста с легким удивлением и едва заметной, не слишком приятной ухмылкой.

Саша поспешил подойти к ожидавшему его Антону. Тот, привычно и по-дружески хлопнул его по плечу, и оба, развернувшись, поспешно зашагали прочь.

И все же, не дойдя до поворота, Антон обернулся и увидел, что господа стоят и смотрят им вслед...

Странно, наверное, выглядели со стороны эти двое приятелей – Антон и Александр – оттого хотя бы, что разница в возрасте составляла лет пятнадцать. Но, вместе с тем, что-то роднило их меж собой, возможно, близость самих натур, характеров.

Да и наставническое отношение Антона составляло дружбе верную основу. Советы старшего товарища Саша, не скрывая того, ценил выше отцовских и именно к Антону обращался за добрым словом и поддержкой, когда в них была особая надобность. Не говоря уже об авантюрных романах в потрепанных переплетах, а порой – и карманных деньгах.

Откровенно говоря, Саша порой удивлялся терпению и благодушию старшего друга.

Вот и теперь, расположившись в шумном зале среднего по цене, но уютного кафе, он поглощал дармовые постные пироги с капустой, испытывая при этом глубокую, искреннюю признательность.

– Значит, учитель математики сжалился над тобой, бездарем? – вздохнул Антон, поглаживая лежащие на коленях перчатки.

Саша поспешил подтвердить.

– Сжалился. Все-таки он наш классный наставник, да и самый молодой учитель в гимназии. Любит он меня за что-то. Только никак не пойму – за что...

– Да просто он знает, что ты не такой уж бездарь и надеется, что одумаешься.

– Я бы одумался! Если бы это к одной только математике относилось. Как ни крути – уж лучше бездарем...

И Саша принялся за чай и пироги с лимоном.

Антон скользнул взглядом за окно. Там была холодная, усталая городская весна...

– Зима кончилась... Так скоро... – обронил он вдруг.

– А ты не знаком с тем господином?

– С каким?

– Ну с которым я сегодня столкнулся!

Антон отчего-то помедлил с ответом.

– Честно сказать, не знаю. Да нет! Уж очень похож он на одного моего дальнего знакомого, только и всего.

– Что же ты у него не спросил?

– Пустое! Того человека и в Петербурге-то быть не может. Да и неловко было просто так подходить.

Саша закивал:

– И взгляд у него какой-то странный.

– Да мало ли странного народу ходит по Невскому. Да еще в пятницу.

– Ага... – легко согласился Саша и вдруг побледнел.

– Что с тобой? – нахмурился Ижевский.

– Антон, миленький, сегодня ведь пятница?..

– Александр Дмитриевич, как же вы вовремя! Они только сели.

Страшнее этих слов горничная Лизонька не придумала бы, даже если б захотела. Саша ведь начисто позабыл, что нынче вечером на ужин были приглашены Барятовы. На его взгляд – препротивнейшие люди, но Алексей Иванович Барятов приходился Дмитрию Петровичу, Сашиному отцу, давним, закадычным другом.

– Папенька сильно серчал? – шепотом спросил Саша, торопливо скидывая шинель.

– Не больше обычного, – пожалала Лизонька плечами, но взгляд все же отвела в сторону.

«Значит, после ухода Барятовых, будет мне на пряники», – подумал гимназист.

Как ни спешил он в гостиную, а возле зеркала приостановился. Взъерошил волосы пуще прежнего, из-под ворота гимназической куртки выдернул край белой сорочки, пару раз ущипнул себя за и без того вспыхнувшие румянцем щеки и пробормотал как бы для пробы:

– Ох, и спешил я, папенька! Ох, и спешил...

За столом у Кононовых в тот вечер собралось шесть человек. Первым был, разумеется, хозяин дома, Дмитрий Петрович, сухопарый мужчина средних лет, с аккуратной бородкой. Так же жена его, Елена Андреевна, моложавая, темноволосая дама тридцати трех лет, и старший сын, от первого брака отца, Денис, студент двадцати одного года...

Алексей Иванович Барятов, в противоположность Дмитрию Петровичу, был полного, почти тучного сложения. Супруга его, Вера Прокофьевна, дама говорливая и улыбчивая, тоже была весьма дородна. А вот сын их, гимназист Геночка, был совсем худ, видимо от того, что отличник – тихий, примерный, будто со страниц книг Чарской...

И, едва все шестеро, и хозяйева, и гости, успели сесть за стол, как на пороге явился седьмой.

– Здравствуйте, – тут же обратился Саша к гостям, а затем поглядел на отца. – Прости, папенька.

– Опять оставляли после уроков? – осведомился Дмитрий Петрович.

– Да, – вздохнул гимназист, потупив блаженный взор.

Супруги Барятовы едва заметно переглянулись.

– Садись, – сурово велел Дмитрий Петрович.

Саша покорно проследовал на оставленное ему свободное место, оказавшись рядом с матерью, которая поприветствовала его коротким, сдержанным кивком.

Неспешно потекла застольная беседа.

Говорили о духовном, о финансах, о расстройстве желудка и о конце света. Говорили очень увлеченно, то дружно, то споря, и все были весьма довольны собой. Ведь известно, что умело ведя разговор о финансах и о конце света, люди чувствуют себя много мудрее, чем обычно.

Дамы большую часть разговора молчали, но когда спор заходил о духовном, не могли удержаться. Мужья их снисходительно выслушивали, благосклонно улыбаясь.

Елена чрезвычайно любила разговоры о вечности, Боге и красоте. Только вела она их обыкновенно не с мужем, а с подругами, для которых, как и для нее, вера была скорее своеобразным влечением к культуре.

Геночка внимал своему батюшке.

А Саша просто сидел и ел. С перепугу он и вправду снова проголодался.

Когда с едой и даже с чаем и беседами оказалось покончено, Барятовы засобирались домой.

Дмитрий Петрович выразил неременное желание их проводить, а заметив, что час еще не поздний, все решили, что недурно будет после ужина и прогуляться.

Дома остались только Саша и горничная Лиза. Она – по прямым своим обязанностям; он же был наказан за опоздание. Лиза принялась челноком снова из гостиной на кухню и обратно. А Саша, взяв с кухни кислое, едва румяное яблоко, отправился к себе.

У себя открыл учебник, вздохнул, и решил, что притомился на сегодня.

Он улегся на кровать, пощекотал хвост гобеленовой русалке, взирающей на него со стены. Остальное убранство комнаты составляли стол, кровать, тумбочка, заваленная Бог знает чем, узкий платяной шкаф и несколько книжных полок сразу по левую руку от двери.

Окно выходило во двор, и потому его комната была чуть темнее прочих, зато в сумерках становились видны окошки прочих жильцов. Саша любил их иногда разглядывать – примечать цвета, устройство комнат, неясные силуэты хозяев, занятых обыденными делами.

Немного подумав, Саша выключил верхний свет и зажег свечу. Поставил он ее на край стола, к самому подоконнику, чтобы из других окон непременно стало видно, как в его темной комнате горит толстая, оплавленная свеча.

Несколько раз он поднимался с кровати, чтобы слить в подставленное блюдечко воск, накопившийся вокруг фитиля. Но, в конце концов, махнул на это рукой – фитиль зашипел и погас, только вспорхнул от свечи дымный, сизый призрак. А Саша скинул домашние туфли, устроился поудобнее и уснул.

Тревожное и задумчивое настроение Антона Ижевского за вечер не улучшилось. До темноты пробродил он по городу и вернулся домой, не имея ни малейшего желания есть или спать. Уже открывая замок, он услышал, как часы бьют шесть.

Первое, что он увидел, было лицо кухарки Глаши. Старушка была бледна и напугана.

Антон тут же почувствовал, как волоски на коже вдоль позвоночника медленно становятся дыбом.

– В чем дело, Глаша?

– Батюшка Антон Савельевич, тут к вам пожаловали...

– Кто? Кубасов?

– Нет. Они не изволили...

– Это я, мой друг! – послышалось из гостиной, и в прихожую выглянул тот самый светловолосый господин, который столкнулся с Сашей возле Гостиного.

Взгляд Ижевского мгновенно похолодел, а челюсти сжались, как в мертвой хватке. Секунду-другую они, не говоря ни слова, смотрели друг другу в глаза.

– Глаша, иди на кухню. Оставь нас, – велел Антон.

Едва за старушкой закрылась дверь, он вихрем пронесся в комнату, едва не сбив незваного гостя. Тот лишь весело рассмеялся.

Антон, напротив, не знал, куда ему деться. Он сбросил пальто прямо посреди гостиной, взял в руки, а затем бросил какую-то книгу, отдернул гардины, выглянул в окно, шарахнулся от него прочь.

– Как же я надеялся, что обознался! Зачем? – спросил он, наконец. – Зачем вы здесь?

– А вы не пробовали мятный отвар, мой друг? Говорят, он успокаивает, – протянул господин. В его словах был едва различим английский акцент.

– Столько лет... Боже!

– А кто такой Кубасов?

– Купец. У нас с ним общее дело.

– У вас с ним? О, поздравляю, мой друг! Сумели-таки распорядиться деньгами и жизнью.

– Замолчите! Нет, это, право, невыносимо. Зачем вы здесь?

– А что ж с того, что мне полюбился Петербург, а вы – единственный мой здешний знакомый? – растерянно произнес англичанин, но затем хитро прищурился. – Ладно, не стану лукавить. Я действительно приехал сюда по воле случая, но теперь меня интересует тот очаровательный юноша, который имел неосторожность чуть не сбить меня с ног сегодня у Гостиного Двора. Кто он?

– Это мой племянник, – пробормотал Антон.

– Помнится, ты рассказывал, что был в семье первым и последним.

– А он не родной. Двоюродный.

– Вот как! А знаешь, жаль, если подобное начало знакомства стало бы и его концом. Ежели хочешь, заходи вместе с ним ко мне. Адрес ты знаешь – я не меняю старых привычек. Посидели бы вечером за стаканом глинтвейна, как настоящие, старые друзья.

– Нет.

– Какой непреклонный! Жаль, жаль... Хотя, чему я расстраиваюсь? У него на фуражке ведь был номер его гимназии! Так и хочется познакомиться поближе с твоим племянником.

– Стой! Довольно...

– Да, мой друг?

Антон, потупив взор, подошел к англичанину. Тот уже не сдерживал улыбки в предвкушении его согласия.

– Хорошо, будь по-твоему, – вымолвил Антон. – Я приведу его. Скажи, когда.

– У меня самого свободно все время, так что не смею вас стеснять и неволить. Когда вам будет угодно.

– Мы с ним видимся в среду...

– В среду? Прекрасно. В среду я ничем не занят, ровно как во вторник и в четверг. Договорились! Ну что, друг мой, поцелуешь меня на прощание по русскому обычаю?

– Обойдешься, – процедил Антон.

– Ну и шут с тобой, mon méchant! До скорого свидания. Хотя, подожди минуту. Как зовут нашего мальчика?

– Александр.

– Чудное имя. Итак, до среды!

– Да, да... У меня только одна просьба.

– Слушаю.

– Я приведу его к тебе. Ты удовлетворишь свое любопытство и не ищи потом с ним встречи.

– Здесь будь по-твоему! – быстро согласился англичанин. – Ну, не унывай, мой друг. Я ведь его не съем. До встречи, – он хлопнул Антона по плечу и, распахнув так и не запертую входную дверь, поспешил прочь, будто времени у него вовсе не было.

На следующий день, в субботу, Елена Андреевна собралась в гости к подруге, Ольге Михайловне Аловской.

Да и не просто в гости – намечался чуть ли не поэтический вечер. Дело в том, что госпожи Аловская и Кононова и прочие дамы их дружеского круга были настроены на весьма мистический лад и со дня на день ожидали если не конца света, то хотя бы нового Мессию. А в последние месяцы еще и усиленно сочиняли гимны и элегии в честь предстоящих событий.

Как-то раз Саша спросил мать, вправду ли та верит во все, о чем говорит. Она лишь сказала, что он еще слишком мал, чтобы обсуждать с ним такие сложные вопросы.

Впрочем, это не мешало брать его в этот раз с собой. «Оленька и Софи захотели на тебя взглянуть», – пояснила она.

Что ж, слово большеглазой Софи было непререкаемо в этом кружке. Да Саша был и не против еще разок взглянуть на сие «благородное собрание». Свидетелем таких встреч он был лишь дважды, когда дамы собирались на квартире у Кононовых.

И вот, поутру Дмитрий Петрович удалился на работу (он владел и заправлял небольшой, но довольно прибыльной типографией), а Денис – к институтским товарищам, у которых он бывал чаще, чем в родном доме.

Елена все крутилась перед зеркалом. Не могла же она ударить в грязь лицом перед подругами! У Оленьки наверняка будет какая-нибудь обновка, а о Софи и говорить нечего.

Наконец она решилась и оделась во все черное. Главным доводом стало то, что с черным гардеробом прекрасно будет смотреться ее бессменное и любимое кольцо с огромным куском белого янтаря.

Затем она бросила в сумочку свою маленькую тетрадь со стихами и кликнула Сашу, который уже битый час маялся у себя, готовый к выходу.

На трамвае они проехали до Знаменской, а оттуда уже до квартиры Аловских было рукой подать. По пути Саша еще раз отметил, что ехать в трамвае по субботнему Невскому – особое удовольствие. За стеклом ведь открывается целая экспозиция самого разнообразного народа: и невероятно важных господ, и развеселых гуляк и студентов, и суетливых лавочников, для которых выходной день самый что ни на есть рабочий, и такой городской бедноты, для которой и разницы-то нет – выходной день или будний.

А возле Знаменской церкви нашелся и вовсе замечательный экземпляр: бородатый человек, стареющий, но не дряхлый, несмотря на погоду – в ветхом тулупчике и ушанке, и, несмотря на время суток, – пьяный насмерть. Стоял он на самой паперти, рядом с убогими старушонками, одной рукой украдкой, стыдливо покуривая папиросу, а другою – прося подавляния. И ведь подавали!

Саша с матерью прошли через сквер, окружающий церковь, и свернули на Лиговский.

Они не то что не опоздали – они, оказывается, пришли раньше всех. То ли им так случилось выйти раньше, то ли остальные дамы были озабочены гардеробом еще больше, чем Елена Андреевна. Саша вдаваться в подробности и размышления попросту опасался.

Ольга Михайловна так и ахнула, взглянув на Сашу.

– Бог ты мой! Какой кавалер вырос. Когда бы не форма, так и не скажешь, что гимназист. Красавец, Леночка, весь в тебя!

– Вот уж неправда, – возразила Елена. – От меня у него волосы и только...

– Ну а в кого же? На Диму твоего и вовсе не похож. Кстати, как он поживает?

– Хорошо! В марте, правда, захворал ненадолго, но теперь уж все хорошо. Только все на работе пропадает. И сегодня вот, с самого утра...

– В субботу? Ох, совсем себя не щадит.

Тут в прихожей появился светловолосый молодой человек, веснушчатый и слегка растерянный.

– Добрый день, Елена Андреевна. Саша, здравствуй, – поприветствовал он гостей.

– Ваня, гости уж давно пришли! Где ж ты бродишь? – пристыдила Ольга Михайловна сына. – Ой, да что ж мы в прихожей стоим? Проходите, дорогие.

И она радостно погнала гостей в гостиную.

– Мальчики, вам, верно, скучно будет с нами. Идите, по соседству в цветах поболтайте.

Оба гимназиста поплелись в соседнюю комнату, в которой было устроено некое подобие зимнего сада. Во всяком случае, кадешек и горшков с цветами там стояло много, а среди них – ажурная, кованая лавочка, словно для настоящего садика или парка.

Гимназисты расселись по разным концам лавочки, Ваня взялся за оставленную им книжицу. Время потекло дальше...

Разговор двух дам в гостиной журчал, не замирая, в то время как в этом городском садике стояла тишина. Меж двух юношей всегда было обычное, дачное знакомство – уже несколько лет кряду их семьи снимали на лето дачи по соседству друг с другом. В городе же продолжали общаться лишь матери.

Четверть часа спустя прибыли еще две дамы: Вера Игоревна и Ариночка, самая юная в их обществе особа. Впрочем, недостаток лет она восполняла избытком ипохондрии.

Софи, они знали, вовремя не явится даже на Страшный суд, но никогда бы не осмелились попрекнуть ее этим. Она ведь была знакома с самой Зинаидой Гиппиус (да и не только с ней!) и исправно сообщала верной пастве вести и откровения о грядущей судьбе русской словесности и мира в целом.

Так что дамы ждали только Софи, а пока обсуждали последний выпуск «Весов»¹. Разумеется, вскоре разговор их стремительно перетек в тему «о вечном». Первую скрипку тут заиграла Ариночка. «Да, я верю! – доносился из гостиной ее голосок. – Нет, я знаю! Я знаю, что грядет нечто великое. Мироздание остыло, человек засерел, обмельчал. Но у кого сердце не прогоркло, тот чувствует, как нагнетается в воздухе обновление мира. Люди творческие ведь все чаще обращаются к религии, к вечным образам, а значит – и к самому Господу! Это ли не знамение человечеству?»

– Как она верно все говорит, – прошептал вдруг Ваня, внимательно слушавший звон голоса молодой поэтессы.

– Тоже мне теолог. В розовых кружевах, любитель античности, – усмехнулся Саша.

– А ты у нас по Закону Божьему, наверное, отличник?

– Нет. Я ни по какому не отличник.

– Учеба не дается?

– Это я ей не даюсь.

Ваня открыл было рот, чтобы ответить, но тут же его закрыл, увидев стоящую на пороге мать.

– Сашенька, кому ты там не даешься? – с улыбкой подхватила Ольга Михайловна. – Да не бойся – не стану ничего выпытывать. Софи, наконец, пришла – хочет на тебя взглянуть.

И, взяв Сашу за руку, она торжественно вывела его в гостиную.

¹ Журнал русских символистов, выходил до 1909 года

Если бы столик, за которым сидели дамы, не был круглым, то Софи непременно усадили бы во главе. Хотя, она и без того выделялась среди прочих. Она была высока ростом, коротко пострижена, а бледно-голубые ее глаза всегда были щедро накрашены.

– Хорош, – вынесла она вердикт, оглядев юношу с ног до головы. Говорила она тоже по-особенному, тщательно выверяя слова и придыхания. – Леночка, весь в тебя!

Елена пожала плечами, но с Софи спорить не стала. Та еще раз оглядела Сашу, уже более пытливо, подслеповато шурясь, и вновь обернулась к подругам.

Поняв, что больше тут не нужен, Саша собрался уйти, но Ольга Михайловна успела сунуть ему в руки котенка.

– Пусть у вас побудет, а то у Софи аллергия, – прошептала она.

Саша послушно взял кота под пушистое брюхо и поплелся обратно. На сей раз, освободив от горшка с фиалками выдавшую виды табуретку, он уселся к окну, настойчиво начесывая холку котенка, который уже пригрелся у него на коленях.

В гостиной тем временем начались чтения.

Сначала Ариночка в неизвестном размере и сбивчивом ритме поведала, что чувствует себя «хрустальнокрылой стрекозой», отчего-то безвременно гибнущей среди «маковой зари», затем она стала саламандрой, затем змейкой и затем, наконец, упокоилась.

Маман тосковала по лермонтовскому Демону, сокрушаясь о его незавидной судьбе.

Феерический финал принадлежал, разумеется, Софи. Она зачитывала очередную часть своей гениальной поэмы на сюжет Евангелия. Новая песнь называлась «Иродиада» – то ли буквально в честь развратной царицы, то ли столь патетично в честь самого Ирода Антипы. В любом случае, вещь получилась очень мрачная, тяжелая и вовсе непонятная. И не столько избранный авторессой тяжелый слог, сколько ее собственная манера декламации заставляла вздрагивать при каждой рифме.

Далее последовали восхищения и поздравления подруг и скромное сообщение Софи, что переговоры с издателями уже ведутся.

Все это длилось часа два, после чего, утомленные беседой и вдохновением, дамы принялись пить чай. Подали его и в зимний садик. Вдобавок, к чаю прилагались пироги с капустой и пудинг с имбирем и цукатами.

Оголодавшие гимназисты так и рванули с насиженных мест к столику и подносу с едой.

– Ой... А на даче пироги с луком были, – мечтательно протянул Ваня, уплетая за обе щеки.

– Угу, – подтвердил Саша, забывшись на секунду.

Разошлись дамы уже часу в восьмом. На обратном пути Елена Андреевна решила пройтись пешком. Саша спорить не стал, а был только рад...

Уже начинало темнеть, Невский весь вспыхнул огнями. Двери Знаменской церкви уже закрывали, а по всему проспекту и на примыкающих улицах открывались и готовились к ночи рестораны, кафешантаны, питейные самого разного пошиба. Отовсюду долетали обрывки мелодий...

Дома Лиза накрывала ужин. За столом сидели Дмитрий Петрович и Денис. Папенька был отчего-то мрачен и неразговорчив, но у супруги спросил, как прошел день. Елена заверила, что Оленька Аловская чудесно выглядит и встреча прошла изумительно.

Пужинали быстро, молча и привычно.

Глава вторая. Зверь

В среду Антон ждал Сашу неподалеку от гимназии, за первым же поворотом. Пришел он туда днем, но слишком рано, когда занятия еще не окончились, так что слонялся по мостовой, считая собственные шаги, и то и дело поглядывал на часы.

Наконец, завидев гимназистов, шагающих с занятий, он зашел чуть за угол и стал всматриваться в толпу мальчиков.

Сашу он завидел издали: тот, распрощавшись с тремя товарищами, зашагавшими в другую сторону, пошел привычной походкой, чуть ссутулившись от тяжелого ранца.

Гимназист, похоже, так глубоко задумался, что ничего кругом не замечал, и остановился лишь после того, как Антон дважды его окликнул.

– Антон! Здравствуй. Отчего ты здесь?

– У меня к тебе дело, – сообщил Антон.

– Что-то случилось?..

– Разве бы я не сказал тебе тогда? Нет! Тут дело в другом. Как бы сразу сказать?.. Ты не против сегодня заглянуть к одному знакомому?

– Нет. А что за знакомый? Я его знаю?

– Так все не разъяснить. Пойдем быстрее – сам все увидишь.

Саше неловко было признаться, но такое приглашение немного огорошило его. Да и вел себя Антон странно, особенно, говорил – как будто веселым, но на деле – звенящим от напряжения голосом. И особенно – взглядом.

«Так смотрит, будто ему больно», – отчего-то подумалось гимназисту.

– Темнишь. Ну да что делать – пошли!

Шли они пешком, дворами, будто бы в сторону набережной Фонтанки, и вроде не слишком спешили. По дороге Антон уточнил, действительно ли Дмитрий Петрович занят до самого вечера и Саша может быть абсолютно свободен.

– Да он каждую среду раньше половины десятого не приходит! Антон, что с тобой? Может, не пойдем к этому знакомому?

– Глупости какие! Нет, душа моя, все прекрасно. Даже не думай тревожиться. О, вот мы и пришли.

Они поднялись на третий этаж. Мельком, словно уже привычно, Антон оглядел две двери и нажал на кнопку электрического звонка.

Открыли быстро. На пороге стояла и учтиво им улыбалась мулатка в строгом платье горничной.

– Проходите, господа, – пригласила она их, отступая чуть в сторону. – Мистер Лорел ждет вас.

Антон слегка подтолкнул Сашу внутрь. Тот принялся во все глаза рассматривать декор прихожей. Стены были обиты такими обоями, что казалось, будто они в золотистых шелках, под высоким потолком, в центре небольшой аккуратной лепнины, висела миниатюрная люстра, в которой каждый хрусталик сверкал каждой своей гранью. Почти всю стену напротив двери занимало гладкое, новехонькое зеркало, а прямо перед ним на специально отведенном столике, в виде дорической колонны, стоял миниатюрный Дионис.

Осматривая все это, Саша не заметил ни как ему помогли снять шинель, ни какими взглядами обменялись служанка и Антон... Она глядела, улыбаясь, а тот смотрел в высшей степени недовольно и даже хмуро.

Девушка поспешила отворить следующую дверь, и они прошли в гостиную. Несмотря на ранний час, гардины на окнах были задернуты, но от этого становилось еще уютней.

Здесь, как и в прихожей, все было красиво, ново и дорого. В высоких напольных вазах стояли кремовые лилейники.

На одном из двух больших, обитых светлой тканью диванов сидели двое мужчин. Первый, блондин в белоснежной сорочке с расстегнутым воротом, темных брюках и жилете и в просторном, цветастом персидском халате. Другой, рыжеволосый, был одет в темно-зеленый, в крупную клетку, костюм, на носу его поблескивали очки в тонкой позолоченной оправе.

Едва вошли гости, они прервали свою беседу и первый поднялся, и только тут Саша понял, что перед ними тот самый англичанин, с которым он давеча столкнулся у Гостиного.

– Добрый день, мой дорогой юный друг. И добро пожаловать, – молвил хозяин, улыбаясь совершенно искренне, даже радостно. Едва заметный акцент делал его речь даже приятной на слух. – Антон – наш с вами общий друг. К сожалению, он отчего-то не сразу узнал меня тогда, у Гостиного Двора. Зато теперь я очень рад приветствовать вас обоих. – Он с улыбкой посмотрел на хмурого Антона, на удивленного Сашу. – Позвольте представиться. Филипп Лорел, к вашим услугам.

– Александр Кононов, – отвечал Саша, пожимая протянутую руку.

– Доктор Саймон Мейерс, – представил Филипп своего компаньона, в котором Саша теперь точно узнал второго господина, бывшего тогда с мистером Лорелом.

Тот уже стоял рядом и с радостью подал руку каждому из гостей.

– Чрезвычайно рад встрече, – заверил он.

Филипп оглядел всех троих с довольной, прямо-таки кошачьей улыбкой, как бы говоря: «Наконец-то мы в сборе!»

– Кэт, можешь быть свободна, – отослал он служанку и тут же вновь обратился к гостям: – Прошу, садитесь...

Филипп и Саймон сели на прежние места, Антон с Сашей – на второй диван, напротив них.

И вот что странно – хотя Саше была неясна причина такой безоблачной радости англичанина, тот не вызывал в нем ни раздражения, ни неприязни. Тот скорее был мил и даже забавен – словно мальчишка, разворачивающий коробку с новенькими солдатиками.

Чтобы избежать неловкой паузы, Филипп поспешил начать разговор.

– Не перестаю удивляться петербургской погоде!

– Тогда несомненно, что вам для отдыха больше подойдет Италия, – проговорил Антон. – Зачем же мучить себя нашим скверным климатом.

– Я разве сказал, что здешний климат доставляет мне хоть какие-то неудобства? Он просто немало меня удивляет – и только. Особенно, как я понимаю, погода своенравна по весне. Жаль, что соответствующих исследований не проводилось, но, руку даю на отсечение, что именно весной самоубийства расцветают пуще подснежников.

– Почему? – изумился Саша. – Весна – это ведь не что иное, как пробуждение жизни.

– С какой-то точки зрения – да, – чуть склонив голову набок, принялся пояснять Филипп. – Но, согласитесь, Александр, что весной может пробудиться лишь то, что пережило зиму. Все-таки весна это не только возрождение нового, но и конец старого. Все силы – и людей, и природы – остались там, в борьбе за жизнь...

– Вы так говорите, мистер Лорел, будто не о смене времен года, а о Французской революции, ей-богу!

– Миром, мой мальчик, правят законы более древние, нежели Заповеди Моисея. И действуют они на все одинаковым образом, равно сильно и непреложно: и на перемещение небесных тел во Вселенной, и на жизнь кошки. Это, ежели хотите, и есть проявление высшего разума, именуемого Богом... Зима, Революция, война, личная хандра человека – за всем этим следует вначале опустошение и бессилие, но лишь затем возрождение, новый виток, новый росток жизни.

В разговор вступил и Саймон:

– Зимой было за что бороться, о чем мечтать. Пришла весна – сил не осталось вовсе, мечты не сбылись. Вот и все.

– Bravo, мой друг, – Филипп даже хлопнул в ладоши. – Резоннее и я бы не объяснил! Да, Александр, я хотел кое-что оговорить по поводу ваших слов о неестественности войн и болезней. Но это через минуту другую...

Он поднялся со своего места и потянул на шнурок вызова прислуги. Вновь вошла темнокожая Кэт. На подносе у нее стоял пузатый глиняный котелок и четыре блестящих серебряных бокала на коротких ножках, похожие на миниатюрные кубки.

Водрузив поднос на стол меж хозяев и гостей, Кэт сняла крышку с котелка и стала разливать по бокалам дымящееся красное варево.

Не сдержавшись, Саша вытянул шею и заглянул внутрь котелка. В ровной, горячей, темной массе виднелись зерна и звездочки специй и золотистые дольки апельсина.

Видя его любопытство, Кэт украдкой улыбнулась.

– Надеюсь, вы любите глинтвейн? – обратился Филипп к гостям, задержав взгляд на Саше.

– Не знаю, – вдруг нерешительно пробормотал тот. – Ведь пост все-таки.

– Ах, бросьте! Вы в данный момент находитесь с иноверцами. Так любите?

– Откровенно говоря, никогда его не пробовал.

– Вот теперь и отведайте!

– Ему еще рано пить! – вдруг вскинулся Антон, чем насмешил англичан.

– Помилуйте! Неужто юноше в шестнадцать лет нельзя отведать легкого вина, да еще под присмотром старших? – искренне удивился Филипп.

Взяв полный бокал в руки, Саша задумался, вдыхая острый, пряный аромат.

– Осторожнее, Александр! Бокал серебряный и становится горячим в мановение ока. Не отопьете хотя бы один глоток – не сможете его более ни держать, ни взять в руки...

Сгорая от любопытства, Саша прикоснулся губами к краю бокала и отпил полный глоток.

Тем временем Антон опрокинул в себя бокал целиком. Впрочем, внимание на это обратил лишь доктор Мейерс, окинувший его почти сочувственным взглядом.

Пропустив в свое нутро жгучий поток, Саша вновь взглянул на стол и обнаружил перед собой раскрытую коробку шоколада, отделанную розовым шелком.

«Ух-ты! От „Жоржа Бормана“, наверное!» – пискнула единственная мысль в разомлевающем мозгу. Все-таки единственный глоток глинтвейна пришелся на совершенно пустой желудок.

– Утощайтесь, мой друг! – Филипп чуток пододвинул коробку к юноше.

Пролепетав «Благодарю!», Саша протянул уже слегка нетвердую руку и взял крупную, гладкую конфету. На вкус она оказалась и сладкой, и самую малость солоноватой, маслянистой и, после горячего напитка, почти прохладной.

Филипп выждал минуту-другую, пока взор юноши чуть прояснился, и продолжил разговор:

– Итак, о неестественности войн и болезней... Лично мое мнение – да и не только мое, но и многих прогрессивных философов, – что в подобных явлениях человечество нуждается не меньше, чем в благополучии и размножении. Не беспокойтесь, мой юный друг, я поясню. Понимаю, мои слова могут показаться жестокой крамолой, но задумайтесь... Если бы по Европе в свое время не прошла череда войн и эпидемий, насколько перенаселена она была бы сейчас.

– Так дело, по-вашему, в «лишних людях»?

– Не беспокойтесь так, мой друг! Разумеется, с субъективной позиции это может показаться жестоким. Но взгляните на дело с исторической точки зрения.

– Да ведь эпидемии уничтожали целые города? Это хорошо для истории?

– Это плохо. Любая чрезмерность есть зло. Но периодические и умеренные войны и болезни как ограничитель человечества – есть благо.

– Умеренные? – опешил Саша. – То есть – когда не весь город вымер?

– Да, – спокойно и ровно отвечал Филипп.

– Простите, но тут не могу я с вами согласиться! Этой осенью у моего одноклассника сестра умерла от холеры. Такое в Петербурге не редкость, и эпидемии случались. Легко говорить, когда неизвестно кто «с возу». А я эту девицу видел, говорил с нею. Пусть бы природа нас меньше до размножения охочими сделала, чем так вот ограничивать!

– Ах, Александр! Вам еще стоит научиться глядеть на многие события иным взглядом – беспристрастным.

– Зачем?

– Чтобы лучше понимать устройство мироздания. Я глубоко убежден, что мир в своей первооснове двуедин – добро и зло существуют в нем на равных и одинаково необходимы и полезны для существования Вселенной. Сила созидания и разрушения. Одна не может существовать без другой... Из небытия явилась сила абсолютного созидания и что она породила? Сатанаила с его воинством – силу разрушения.

– Любой богослов скорее повесится, как Искарот, чем согласится с вами.

– И правильно сделает. Библию, особенно Ветхий Завет, не стоит понимать буквально. Все древние тексты, легенды, мифы построены на символике и метафоре. Они лишь скрывают смысл...

Слушая, Саша выпил еще один глоток и отправил в рот следующую конфету.

– Ей-богу, мистер Лорел! Вас бы к нам в гимназию. Вас так занятно слушать!..

Филипп усмехнулся и, пряча улыбку, на мгновение опустил взгляд на свой бокал. Все это время он держал его, не выпуская. Саша даже удивился – как он не обжигается.

– Право, Александр, вы преувеличиваете мои риторические способности. Впрочем, я люблю рассказывать и рассуждать.

– А вы верите?

– В то, о чем говорю? Разумеется. Просто я не могу поверить в то, что истинное блаженство доступно лишь малому кругу избранных, которые хорошо вы зубрили правила и исправно соблюдают их. Какой громадный мир – сколько народов, эпох, великих идей – лежит за пределами Христианства! И лишь поэтому сей мир должен погибнуть? Вот эта мысль мне противна...

Переводя дыхание, Филипп задержал взгляд на котелке – в центре стола, в центре гостиной – тот стоял между собеседниками, словно общий котел с темным варевом.

– Александр, хотите ли услышать одну историю о древнем, нехристианском зле? – спросил Филипп через несколько мгновений, вскинув хитрый взгляд на Антона.

Почему-то именно от этого его тона Сашу пробрала легкая, будоражащая жуть.

– Очень, – признался он.

– Знаете, есть множество – о, превеликое множество! – всевозможных мифов и сказаний, повествующих о том, как сложились основы нашего нынешнего бытия. Как и откуда появились всевозможные «темные» силы... Лично мне нравится одна, мало известная широкой публике. Может быть, наш друг Антон и слышал ее прежде, но легенды и предания для того и существуют, чтобы, слушая их, мы лучше узнавали самих себя. Так, Антон?

Антон подлил себе еще горячего вина.

Вдруг стали слышны отзвуки внешнего мира, доносящиеся из приоткрытого окна: звонки трамваев, мерный рокот колес, цокот лошадиных копыт, единый говор толпы и чьи-то резкие выкрики.

Затем Филипп заговорил, отчетливо вспоминая каждое услышанное когда-то слово и пробуя впечатления юного гостя на вкус, как тот пробовал конфеты...

На заре мира юные боги пришли на Землю. Новый мир был подобен саду, населен зверьми, птицами и рыбами, и все покорялось богам, потому что лишь у них был разум.

Боги забавлялись, играя с Землей, поднимая со дна морей острова или погружая их в пучину, протягивая по долинам ленты рек или сталкивая друг с другом пласты земли и вздымая к небесам горы. И всякая тварь бежала и ползла прочь, а после покорно стремилась к новым пастбищам и водопоям.

Тоскливо стало богам в молодом мире, и от тоски они решились играть с тем живым, что уже было на Земле.

Боги разбрелись по миру, и каждый взял что-то земное, что любил более всего и что-то от себя, от самого своего сердца. И из этих двух элементов боги создали людей.

Так и вышло, что люди оказались разного сорта и масти: кто-то был создан из размолотого зерна, кто-то из дерева, кто-то из глины – много материалов взяли от Земли боги.

А одно божество решилось воплотить свои помыслы, вложив разум в диких зверей. И случилось небывалое – твари пробудились и увидели мир вокруг себя и самих себя внутри этого мира.

Люди, лишь недавно бывшие стадами и стаями животных, теперь жили в хижинах на развалинах древнего города. Когда-то в этих чертогах жили боги, и там служили им бес-телесные духи.

Теперь, оставшись без собратьев, разбредившись по свету, божество ушло в глубину подземных пещер.

Пищу и подношения ему подавала юная дева. Ее выбирали среди дев племени, а когда она расцветала и становилась готовой к рождению сыновей, ее отдавали в жены мужчине из семьи вождя.

Эта же дева поддерживала жизнь Огня в светильнике над входом в храмовые пещеры. Когда-то на свет именно этого Огня и пришли первые звери, ставшие людьми, от него были зажжены все очаги и лампы в селении. Люди чтили Огонь и с трепетом берегли его, ибо божество сказало им, что Огонь – суть разум. Стоит ему погаснуть, и душа погрузится во тьму.

Люди возделывали поля и сады, разводили скот, и радовалось божество, видя, как долгие лета уходят в прошлое, как сменяются поколения и его народ процветает.

Однажды дева, служившая божеству, навеки покинула пещеры, чтобы стать женою брата вождя. Вместо нее жрецы выбрали иную деву, едва вступившую в пору своей юности. Она была подобна бутону, но никто тогда не мог помыслить о том, какая чернота, какой тлен скрываются в его сердцевине и лишь ждут своего часа.

Неизвестно, что за имя дали деве при рождении, но столетия спустя у нее появилось множество имен, и одно из них было «Мара»². Волосы ее были, как кровь или как темный огонь, а глаза – как две черные ониксовые капли.

Вождь выбрал ее в будущие жены своему сыну Аспиру. Хотя он и не был старшим сыном, зато был храбр и силен, и именно его вождь называл своим наследником.

² В русском, как и в британском фольклоре словом «мара» (mare) обозначались демонические существа, обитатели потустороннего мира. До наших дней сохранились в качестве составных частей слов «кошмары» или «nightmares».

Старший сын вождя, Нер, не был ни воином, ни охотником. С детства любил он бродить по руинам города, всматриваясь в узоры, в рисунки, в письма богов. И божество благословило его, вложив в его разум знание древнего языка. Нер смог не только читать письма, но и создавать их сам и учить им других. Но мало кто внимал его словам, а многие и вовсе презирали его страсть к выбоинам на пыльных камнях.

Как-то утром Мара вышла из города в поля нарвать цветов, чтобы украсить храмовую пещеру. Собрав такую охапку, что с трудом могла удержать, она пошла к ручью напиться воды. Едва она склонилась, как увидела в сверкающей водной глади еще чье-то отражение. С криком она отскочила в сторону, решив, что это дикий зверь пришел к водопою. Но мгновение спустя она уже радостно засмеялась – то оказался лишь ее нареченный, Аспир.

– Чего же ты напугалась, моя дивная лань? – подивился он, не отрывая от девы пристального взгляда.

– А зачем же ты, сын вождя, крадешься, как хищный зверь? – отвечала Мара, уже без страха сядя рядом с ним.

– Я охотник и воин. Я должен перенять повадки хищника, чтобы, как и он, добывать мясо. Или тебе милее мой брат?

Мара рассмеялась:

– Я не помню его лица. Все дни он проводит вдали от людей и дневного света, в пещерах с единственным светильником. Разве можно сравнить его с таким великим и сильным воином, как ты?

– Он старше меня, но едва я смог ходить, уже был сильнее. Живи он один, умер бы с голоду. Порой я думаю, не согрешила ли наша мать с кем-то из людей зерна. Уж слишком не похож мой брат на того, в чьих жилах течет кровь зверя.

И говоря это, Аспир все ближе и ближе придвигался к деве и, наконец, коснулся ее лица своей рукой. Мара насторожилась, но и не думала отстраниться или бежать прочь.

– Ты служишь нашему божеству, – продолжал меж тем Аспир. – Но ведь ты – моя нареченная. Еще не одна весна пройдет, прежде чем тебя введут под мой кров. А ведь в глазах богов то, что должно свершиться, уже свершилось. Что им за дело – станешь ты моей теперь или после? Цветы, что ты сорвала, красивы сейчас, но пройдет немного времени, и они сгодятся лишь на семена, чтобы дать жизнь следующим цветам. Прежде чем уйти, подумай – хочешь ли ты дождаться того дня, когда станешь зрелым цветком, готовящимся увянуть? Или ты боишься гнева божества, дева?

– Я никогда не видела ни его гнева, ни его радости, – ответила Мара, откладывая цветы в сторону.

Затем они легли под сень ветвей склонившегося над ручьем дерева, и Аспир взял ее, как жену.

Не успели тени сместиться далеко, как Мара уже подобрала брошенные ею цветы и отправилась обратно в селение людей.

Шли дни. Каждое утро Мара спускалась в долину за цветами, и каждое утро ждал ее у ручья Аспир. Не знали люди о творящемся святотатстве, а божество до поры молчало.

Но вот пришел особый день, знаменующий ту пору, когда люди из зверей стали людьми.

От самого рассвета люди чистили и украшали свои жилища, а с закатом солнца погасили все огни и светильники, кроме главного – над воротами храма. Все стекались к нему в ожидании и трепете.

Жрецы дали людям в протянутые руки священную чашу, и те, передавая ее друг другу, надрезали себе запястья и наполняли чашу своей кровью. Когда чаша наполнилась, ее передали Маре.

Она приняла чашу и понесла через храм в глубинные пещеры божества.

В полной темноте шла она хорошо знакомой дорогой и несла в руках чашу – о, нет, не просто с кровью! – с тем душевным огнем, которым народ ждал поделиться со своим божеством.

Наконец, Мара остановилась. Она хорошо помнила то место, где кончаются соломенные циновки и начинается древний камень.

– Прими дар от людей, следующих за тобой, – произнесла она, поднимая чашу.

Уже третий год она подносила дары божеству, и каждый раз оно приходило на ее зов, и холод приходил с ним. Оно забирало дары и вновь ускользало вглубь земли. Но не теперь – Мара стояла, воздев руки с тяжелой чашей, и текли минуты. С ужасом представилось, как она выйдет из святилища с полной чашей, что тогда сделают с нею жрецы и сами люди...

Она вновь позвала божество, и вновь ответом ей была тишина. Тогда Мара опустила на колени и сама выпила всю собранную людьми кровь. Затем она в судорогах упала на пол, ее внутренности жгло, будто она выпила сок ядовитого растения. Кусая себе руки, она едва сдерживала крик.

Не помня себя, поднялась она снова на ноги и побрела к выходу из пещер.

Народ, ожидавший появления девы, вдруг онемел от ужаса, едва она вновь появилась – бледная, с перепачканным кровью лицом.

Безумным взором обвела она толпу и остановилась на Аспире. Беззвучно шевелила она губами, будто отчаянно желая что-то сказать.

Испугавшись, что тайна вот-вот будет раскрыта, не зная, что ему делать, наследник вождя схватил горсть земли и швырнул в светильник над входом в храм. И погас священный Огонь.

Такого не случалось с того дня, как человек сделался человеком. Крики ужаса огласили руины древнего города богов, люди бросились в темноту, не разбирая дороги. И ни в одном очаге не тлело головни, от которой можно было бы разжечь пламя.

Казалось, вечность минула, прежде чем вдали, над одной из стен вспыхнула алая звезда. Люди устремились к ней – к единственному светочу в крошечной, глухой тьме.

– Это человек! – вскричал кто-то. – Звезда в руках у человека!

Другой благоговейно шептал:

– Это наше божество принесло нам новый Огонь.

Но когда люди подошли ближе, они увидели, что это лишь Нер, старший сын вождя. Он стоял на обломках крепостной стены и держал в руках масляный алебастровый светильник. Он так засмотрелся на древние письма и фрески, что позабыл обо всем вокруг себя и не пошел с остальными к пещерам и не погасил своего светильника.

– Помоги нам, сын вождя! – взмолились люди. – Дай нам искру от твоего огня.

– Но что стало с вами? – изумился он. – Кто вы?..

Многие из племени более не походили на людей. Едва погас огонь, звери, дремавшие в их сердцах, вырвались на волю и исказили до неузнаваемости их лица.

Те, что не утратили человеческого облика, устремились к Неру, к светильнику, что он держал в руках.

А зверюды стали метаться в ужасе. Почти все они повернулись и умчались прочь, в темноту, но были и те, кто, пряча клыки и морды, прижался к ногам собратьев.

Луна вышла из-за облаков, растворив своим светом царящую тьму. И вой раздался по всему селению – звери звали друг друга.

Многих людей поразил до глубины души этот зов.

– Наши собратья уподобились праотцам! Почему мы должны оставаться с вами, слабыми, трусливыми и изнеженными? – сказали они и с криками, подобными звериным, устремились на вой.

Этих глупцов растерзали и сожрали первыми.

Прячась в темноте, звери пытались достать людей, уволочь кого-нибудь за собой. Но они не смели подходить близко, ибо боялись даже малого огня. Лишь один зверь осмелился подкрасться, схватил зубами и утащил ребенка. То был Аспир – его смогли узнать лишь по остаткам одежды на ставшем безобразным теле.

Всю ночь люди бодрствовали, зажигали лучины и факелы от светильника Нера, передавали огонь друг другу.

Наступило утро, и мир перевернулся, и стал вновь принадлежать людям. Личины зверей спали с нечестивцев, бродивших во тьме, и они попытались вернуться к тем, кого ночью желали растерзать.

– Разве виновны мы в том, что сделаны не из зерна и не из глины? – говорили они.

Люди не стали их слушать – схватили и прибили кольями к земле и оставили умирать. Пощадили лишь одну-единственную женщину и лишь потому, что она носила ребенка. Ей дали воды и хлеба, но не позволили приблизиться к другим людям или говорить с ними.

Мару нашли в ее же хижине, которую она делила с двумя охранявшими ее старухами. Она лежала, бездыханная и холодная, словно давно была мертва. Все прочие тела, найденные в развалинах города, в хижинах селения, были растерзаны, но не тело Мары, будто даже чудовища страшились к ней приблизиться.

Люди стянули ее тело веревками и погребальными пеленами, положили в выскобленный древесный ствол и опустили в болото.

– Нельзя оставаться в этом месте, – сказал Нер, когда расправились со всеми нечестивцами. – Здесь отныне поселились черные души, и многие поколения уйдут, прежде чем эти стены очистятся.

Тогда люди собрались, подожгли свои хижины и двинулись в путь.

Едва племя остановилось на ночлег, от них сбежала женщина, которую лишь утром люди пощадили и лишь за то, что она носила дитя. Став в свете Луны самкой с детенышем во чреве, она побежала обратно к пепелищу на руинах города.

Там она до рассвета кормилась плотью мертвых собратьев, а с рассветом вырвала колья, привоздавшие Аспира к земле. Он был еще жив, и она откормила его мертвечиной. Едва ему стало лучше, в первую же ночь он загрыз и сожрал ее и ее нерожденного ребенка.

Так он восстановил свое тело и смог пуститься странствовать в поисках новой пищи и новых женщин, которые затем рождали на свет его отпрысков. И дочери его дочерей, и сыновья его сыновей при полной Луне обращались в зверей. И жили они дольше, чем отпущено человеку...

Но Маре, испившей жаркой жертвенной крови, был отпущен срок еще более долгий. Не умирая, лежала она в своем гробу, не в силах пошевелиться. Уже высохло болото, и плоть ее племени стала землей.

Не было отныне ведомо, кто человек глины, кто – зерна, а кто человек-зверь, ибо все люди смешались меж собой, породили новые народы, воздвигли новые царства.

...Рабы одного царя стали рыть землю перед дворцом, который, по слухам, стоял на священном месте бывшего города богов. И нашли рабы в земле огромный окаменелый гроб из древесного ствола. Они показали его надсмотрщику, а тот – самому царю. Царь велел расколоть гроб, желая знать, кто покоится в нем. Каково же было его изумление, когда под окаменевшим деревом, под истлевшими тряпицами, он увидел деву — бездыханную, но нетронутую тлением.

Ее отнесли в одни из лучших покоев во дворце, где рабыни омыли ее и одели в новые тонкие одежды. Жрецы и лекари подходили к ее ложу, но никто не мог понять, что за странный

недуг поразил когда-то эту красавицу, в самом ли деле она мертва и в каком из чертогов какого из миров пребывает ныне ее душа. Многие советовали царю сжечь деву немедля, вместе с ее гробом. Но царь был очарован ее бледным, каменным ликом и не решился причинить вред ни красавице, ни чему-либо найденному с нею – ни гробу, ни увядшим цветам, вынутым из ее волос.

До захода солнца она лежала, не шевелясь, но, едва светило скрылось в мире мертвых и по всему дворцу зажгли лампы, Мара открыла глаза – впервые за неисчислимые годы.

– Пить, – тихо попросила она, едва шепча.

Служанки поднесли ей воды, но она сомкнула губы, не проглотив ни капли. Также пролилось по ее коже на простыни и вино.

Множество раз Мара просыпалась в своей тесной темнице, терзаемая голодом, но жаждала она не хлеба, не воды, не мяса и не вина, а того единственного эликсира, что дал ей сил пережить заточение. И от бессильной злобы и голода ее клыки росли и делались острыми, как у зверя.

Когда рабыня провела по ее лицу рукою, чтобы отереть вино, Мара приоткрыла рот и легко прокусила тонкую кожу. Нескольких капель крови ей оказалось достаточно, чтобы окончательно пробудиться и подняться с ложа.

Только царь узнал о произошедшем, он велел подавать бледной красавице столько крови, сколько она пожелает и от того, кого она сама выберет. Всю ночь пировала Мара в окружении прекрасных юношей и дев, а с наступлением утра легла обратно в свой гроб, который для нее устланы шелками.

День она спала, а ночью вошел к ней царь, снедаемый возжеланием. Он возлежал с ней, и она вкушала его кровь.

И стал царь поклоняться ей, как божеству, и воздвиг ей храм в своих садах. Жрецы иных богов возроптали и захотели смерти Мары и послали к ней убийц. Но ни от ран, ни от яда она не умирала. Она не могла родить дитя, ибо лоно ее было мертво, но своей кровью она могла творить себе подобных. Испив ее, человек будто умирал, но когда пробуждался, ни нож, ни яд, ни удушье не были для него страшны, но солнечный свет лишил его сил. Царь последовал за Марой первым.

Многие лишились рассудка и жаждали разделить его участь. Не всех Мара одаривала своей кровью, и они пили от последовавших за ней. Такие не обретали бессмертия, но становились во много раз сильнее человека и, терзаемые жаждой и похотью, вскоре угасали душой, а затем и телом.

Ничто не интересовало царя более – ни его прежние жены, ни сыновья и дочери, ни даже собственная страна и народ.

Дни он спал подле Мары, а ночью предавался порокам и веселью вместе с нею.

Наконец, люди устали от бессмертного и безумного правителя. Заговорщики дождались ночи, когда царь, Мара и прочие, вкусившие ее крови, собрались в храме в садах, а затем сожгли их.

Несколько дней не стихал пожар, подпитываемый людьми, а затем оказалось, что тело Мары огонь не уничтожил, а только иссушил, превратив в мумию. Ее положили обратно в ее гроб и сбросили в реку.

Мара исчезла из этого царства, чтобы найти приют в следующем. Долгие века она странствовала, сходилась с царями и жрецами, принимая облик то чудовища, то красивейшей из дев, оставляя за собой разбитые алтари и темные легенды...

Рассказывая все это, Филипп говорил словно бы чужими словами и даже немного волновался.

– И так, Александр, что скажете?

Саша пожал плечами:

– Про любовь уж больно мало.

Филипп и мистер Мейерс так и покатались со смеху. Саше даже показалось, что где-то за дверью украдкой засмеялась Кэт. В этот момент в комнате будто бы стало легче дышать.

Но тут Антон неожиданно подал голос – сердито, громко и слегка невнятно.

– Довольно! – вскричал он. – Не надо... Зачем вы ему всякие страсти рассказываете?

Он отчаянно схватился за Сашу и прижал крепче к себе. Тут гимназист с ужасом понял, что Ижевский безнадежно, вдребезги пьян!

– Зачем? – едва не всхлипнув, обратился Антон к Филиппу.

– Ох, а нам, верно, уже пора, – спохватился Саша. – Простите, мистер Лорел, мы и так у вас засиделись.

Он вскочил со своего места, пытаясь поднять совсем отяжелевшего Антона. На помощь ему поспешил Саймон. Вместе они подняли Антона на ноги, а тот вдруг презрительно и надменно фыркнул.

– Да что же ты! – не выдержав, обиженно прошептал Саша.

Они вывели Ижевского в прихожую и усадили на табурет, поодаль от Диониса. Тут же подоспела Кэт, да и сам мистер Лорел вышел следом за ними, встав на пороге в своем цветастом персидском халате.

Уже одетый и готовый выходить, Саша подошел к хозяину, виновато потупив взор.

– Простите, мистер Лорел, я...

– Оставьте, Александр. Всякое в жизни случается. Но я был безмерно рад увидиться с вами. Знаете, я ведь в Петербурге недавно, свет не люблю, так что буду счастлив, если вы навестите меня еще раз.

– О, благодарю, мистер Лорел. Буду только рад! Знаете, вы – удивительный человек...

– Вы мне, право, льстите. Но делаете это чересчур честно и мило. Помните, что и я был честен: я буду чрезвычайно рад вновь вас видеть... Надеюсь, я вас не слишком утомил.

– Что вы, мистер Лорел! Вовсе нет. А который теперь час?...

– Половина десятого, если не ошибаюсь.

– Батюшки, – невольно вырвалось у Саши.

– Александр, что с вами? Вы даже побледнели...

– Нет, что вы! Все прекрасно. Я вовсе не побледнел. Я краснеть перестал.

– Очаровательно. Разрешите вас все же расцеловать на прощание...

И англичанин быстро склонился к юноше и расцеловал в обе щеки, отчего тот мгновенно покраснел снова.

Разумеется, Саша лгал. У него не только кровь отхлынула от лица, но даже ноги чуть не подкосились. И верно он ахнул «батюшки», ибо Дмитрий Петрович престал перед его взором многоликим, как гидра, и столь же злобным.

Когда он вместе с доктором Мейерсом вел Антона уже по улице, то поминутно оглядывался в сторону собственного дома, который находился в совершенно противоположной стороне. И все казалось, что Литейный удаляется бесконечно, что дома встают один за другим, сходясь, загораживая дорогу к нему.

Под конец гимназист уже закусил губу, чтоб не завывать с горя на растущую луну.

– Александр, – заговорил, останавливаясь, Саймон. – Вам, верно, давно пора домой? Ведь так...

– Откровенно признаться – да, – Саша в очередной раз подивился тому, с какой легкостью он может говорить и правду тоже.

– Ну так бегите домой.

– Нет, что вы!

– Идите.

– Иди, – произнес вдруг Антон. – Правда, мне на воздухе стало много лучше. Доктор Мейерс, вы тоже можете не тревожиться обо мне и не утруждать себя более...

– Я себя вовсе не утруждаю. Да я и не против прогуляться. Тем более, что вы освежились, пришли в себя и с вами уже почти можно побеседовать. А вы, Александр, идите. Негоже молодому юноше, гимназисту, находиться на Невском в такой час... Бегите быстрее! – Саймон улыбнулся и даже подмигнул Саше.

Тот быстро пожал руку ему, Антону, распрощался, поблагодарил и убежал.

Антон тут же освободился от поддержки Мейерса и совершенно твердой походкой зашагал прочь.

Англичанин поспешил нагнать его.

– Ловко же ты придумал! То-то я удивился, как это ты с двух стаканов захмелел.

– Да уж тут действительно впору напиться! Зачем Филипп взялся ему эту дрянь рассказывать?

– Честно говоря, не представляю.

– Прекрасно! А зачем вы вернулись? Чтобы еще раз все сломать?

– Ах, мой друг! Не стоит тебе корить только нас.

– Не утруждайся моралью. Про себя я все прекрасно знаю и помню. Зачем вы вернулись?

– Филиппу захотелось.

– Просто ему захотелось? И только?

– А что еще нужно?..

– Да, пожалуй, что ничего. Ты все-таки извини меня, но дальше я пойду один...

– Как знаешь. До свидания, мой друг.

– Прощай.

Дома у Кононовых семейство уже расходилось по комнатам после позднего чая, а Лиза прибирала со стола. Саше за столь поздний приход домой безо всякого заведомого предупреждения, полагалась епитимья в виде отцовской проповеди.

Более всего прочего Дмитрий Петрович был возмущен тем, что гимназист так и не смог внятно и однозначно объяснить, где же он пропадал до начала одиннадцатого часа ночи.

А тому отчего-то очень не хотелось рассказывать про англичан. Тогда бы пришлось и про Антона рассказывать, а папенька не слишком-то одобрял дружбы и близкого знакомства с посторонними, не знакомыми ему людьми. Возможно, поэтому Саша с Антоном и дружил.

– Да сначала нас на последнем уроке задержали, а потом уже мы с Юрой Волковым и с Димой загулялись. Тепло ведь сегодня. Сам в толк не возьму, почему вышло так долго...

– Подумайте только! Хорошо загулялись, ничего не скажешь, – усмехнулся Дмитрий Петрович. По всему было видно, что он мало поверил словам юноши.

«Я бы и сам ни в жизнь не поверил, – с досадой думал Саша. – И как он меня до сих пор не приберет? Святой человек. Только бы он про то, что я пил, не догадался».

Этот его страх, впрочем, был совершенно излишним – не так уж много он выпил и не так уж близко подошел к родному батюшке, чтоб тот распознал такое непотребство.

– Саша, мне не по душе, что ты так темнить стал. Маленьким был, помню, все рассказывал, даже то, о чем другие дети молчали. Уволок у соседей на даче цыпленка – и нам довольный показывает.

– Так рыжий цыпленок был...

– Ах, ну раз рыжий – так его и умыкнуть святое дело.

Проходившая мимо гостиной по коридору Елена на мгновение замерла и как бы между прочим заметила им:

– В Древнем Египте рыжих животных приносили в жертву Сету.

И прошествовала далее, к Лизе на кухню.

– Чего только не узнаешь! – вздохнул Дмитрий Петрович. – Значит так, Саша. Оставшуюся неделю после гимназии сразу домой. И на то, что Лиза и маменька тебя покрывать станут, особо не надейся – я и с них спрошу.

Саша, разумеется, покорно кивнул, а затем пожелал папеньке спокойной ночи и отправился к себе.

Лежа, наконец, в своей постели, думая об услышанном и увиденном за день, он понял, что ему пришлись по душе новые знакомые. Не то чтобы он поверил всему ими сказанному или же и вправду собирался снова к ним прийти (может статься, мистер Лорел предложил ему это лишь из вежливости, да и совестно было явиться после того, что отчудил Антон). Но они представлялись ему свежим, светлым и ярким пятном в его жизни.

А папенькин наказ – приходить домой строго по часам всю оставшуюся неделю – его даже позабавил. От недели оставалось всего два дня, в которые начнется ярмарка – знаменитая «Верба» – на которую ему уж точно разрешено будет пойти.

Глава третья. Пасха

На «Вербу», конечно, пошли все, да еще и вместе все с теми же Барятовыми. К ним же и собирались в гости после гуляния.

Денис оставил их почти сразу и, похоже, возвращаться не собирался. Более всех это досадовало Сашу – теперь-то он сам точно не мог попросить разрешения пойти по своим делам. Так что он просто шел чуть поодаль от остальных. Карманных денег на сладости у него хватало, хотя ему и сладостей-то не особо хотелось.

Он шел меж палаток и шатров, вздрагивающих на мартовском ветру, и просто наслаждался возможностью быть наконец-то среди людей, чувствуя некую причастность к общей радости, к общей вере. Только куда-то подевался детский восторг от праздника.

По привычке он подошел к лавке, в которой торговали «херувимчиками» – восковые детские мордашки были наклеены на фигурные листы золотой бумаги. Конечно, к ним так и сползлась детвора, и затосковавший гимназист вскоре отошел в сторонку.

В последний раз Саша купил такого херувимчика в тринадцать лет, уже не зная, для чего он ему понадобился. И отдал на следующий день Лизе (у Кононовых тогда работала ее мать, а сама Лизонька порою приходила ей помочь, особенно в праздники). А купленных до этого он по сей день находил на полках в шкафах и чулане. Восковые личики двоих из них оказались расколоты и раскрошены и представляли собой весьма печальное зрелище. Да, хрупки игрушечные ангелочки... И чертики, если подумать, тоже – они продавались тут же, рядом, и пользовались у детей особым спросом. Еще бы – американские черти, скачущие в стеклянной трубочке!

У Саши был один такой, кончивший свою жизнь тем, что его узилище разбилось в классе русского языка. Цветная жижа, наполнявшая трубку, разлилась по паркету, а сам маринованный черт укатился под шкаф, и более его никто не видел. Это особенно расстроило Сашу – его ведь с самой покупки так и подмывало разбить трубку, чтобы самого чертика рассмотреть и пощупать.

А еще при взгляде на чертиков вспомнился Филипп Лорел.

«Сходить ли к ним еще разок? – подумалось юноше. – Не захотят меня видеть, так прямо и скажут, что заняты».

Тут к Саше подошла и тронула его за плечо Елена.

– Вот ты где, – улыбнулась она, покосившись на чертиков. – А мы тебя уже хватились.

– А Дениса что же не хватились?

– Так он с самого начала отцу сказал, что с нами пойдет только до ярмарки. Не капризничай.

Вслед за матерью Саша пошел к остальным, которые уже стояли в стороне от толчеи и угощались калачами. Вернее, угощались исключительно Барятовы – Геночка и его маменька, то и дело подкармливающая мужа.

– На чертей залюбовался, – вздохнула Елена, подводя Сашу.

Барятовы рассмеялись, а Дмитрий Петрович протянул:

– Еще бы! Вообще, что за пакостные игрушки английские?..

– Американские, папенька.

– Хоть японские! Вот не пойму, зачем малым детям с чертями играть.

Всю последующую дорогу до дома Барятовых (благо, жили они недалеко, на Почтамтской улице) заняла беседа об упадке нравов. Мол, раз черта не боятся, то и Бога скоро тоже бояться перестанут. А тогда уж и неизвестно, на какую дорожку ступят. *«Помните, как давеча в „Северной“ какой-то незадачливый бомбист сам подорвался?.. А с женищинами, помилуйте, что творится – что ни день, на любовников с серной кислотой бросаются!»*

Так шли и серьезно беседовали солидные господа. Раз уж собрались вместе – не хватить же современное общество с его декадансными нравами, в конце концов!..

В воскресенье приютилась у всех по домам молодая вербочка, и наступила Страстная Седмица. Для верующих то было время тревожного и все же радостного ожидания. Все памятные дни – от Вербы и до Пасхи – словно бы приближали людей к давним событиям в Иерусалиме. Будто все происходило заново, все обретало реальность – вино становилось кровью, и спасенный мир мог существовать дальше. Впрочем, до торжества жизни над смертью оставалось еще несколько дней.

В понедельник гимназистам объявили, что всем воспитанникам православного вероисповедания обязательно надобно будет явиться вместо уроков в четверг утром к исповеди и причастью в церковку при гимназии.

Друзей у Саши в гимназии было трое: Дима Гурин (личность творческая – будь он девицей, попал бы в кружок Софи), Юра Волков (во всем Диме противоположный) и Миша Синицын. Последний был безнадежно влюблен в некую Юленьку и рассказами о ней так утомил одноклассников, что уже год, как его самого называли Юленькой. Он поначалу обижался, а потом привык – видно, не считал имя столь горячо любимого существа за оскорбление.

Их четверых все учителя гимназии единогласно считали самой разговорчивой шайкой в классе. Больше всего болтали промеж собой Саша, Дима и Юленька, Юра же обычно отпускал меткие сухие реплики, которыми либо членил разговор, поворачивая его в новое русло, либо – что чаще – с явным удовольствием ниспровергал Диму с поэтических высот. Заметив однажды эту особенность, учитель логики как-то счел весьма остроумным во время разговоров на его уроке заметить: «Господин Волков, успокойте свой гарем, пожалуйста».

Однако уже в самой церкви на службе в четверг вдруг разворчался сам Волков – хоть и не в полный голос, но крайне недовольно.

– Глупость какая-то! Исповедь на то и исповедь, что должна быть делом добровольным. С чего это я обязан вот так запросто рассказывать о том, что у меня на уме и что в жизни творится?

Саша не утерпел и зашептал в ответ:

– А что же у тебя за мысли такие потаенные, змей?

– Я не змей. Змеи наши Халимов и Кох – дрыхнут, пока мы тут поклоны бьем.

Тут на них обернулся классный наставник Алексей Алексеевич – молодой и оттого при каждом удобном случае строгий. Хотя, в этот раз он был прав совершенно.

– Господа, вы хоть помните, где находитесь?

Дальше Саша слушал службу в тишине и отчего-то почувствовал небывалое волнение – как всегда перед исповедью. Вот-вот предстояло рассказать что-то сокровенное, честно признать, что был в чем-то не прав, ошибался, был грешен.

Принимали исповедь двое священников: один, отец Иоанн, тот, что и так служил при гимназии, преподавал Закон Божий, и второй – пришлый, с какого-то подворья. Саша попал на исповедь к отцу Иоанну.

И тут уж он, расчувствовавшись, рассказал все: и про то, как ел шоколад на прошлой неделе, и про то, как пил вино, и про то, как слушал все, что рассказывал ему англичанин. Отец Иоанн выслушал спокойно и только спросил, не нарушал ли юноша пост в другие дни, а когда тот заверил, что не нарушал, прочел над ним разрешительную молитву и позволил принять причастие.

Впрочем, причастие приняли все. Саша даже и припомнить не мог какого-нибудь года, когда хоть кому-нибудь после обычной исповеди отказали в причастии. Быть может, сказывался столь юный возраст паствы.

Несмотря на заботу о душах воспитанников, руководство гимназии решило не забывать и об их головах, а потому в четверг отменили не все, а только первые уроки. От окончания литургии и до начала занятий оказался зазор больше часа, и вся Сашина компания решила переждать это время дома у Юленьки – тот жил буквально в соседнем доме.

Едва пришли, Мишина маменька всех усадила за стол и дала постных пирогов с грибами и компоту.

– Эх, – вздохнул Саша. – Даже жалко причастие заедать.

Миша-Юленька замотал белобрысой головой.

– Ничего не знаю! Я говел, как следует, я заслужил.

– Нашел о чем жалеть... – начал было Волков, но тут же Дима замахал на него руками:

– Изыди! Лучше ничего сейчас не говори, ей-богу. Пей компот, Юрочка. Миленький, пей компот!

У Саши и Юленьки от смеха компот чуть не полился через нос, когда они увидели, как от искреннего удивления вытянулось лицо Волкова.

Некоторое время все жевали молча, пока Саша, призадумавшись, не спросил:

– А как вы думаете, мы на причастии действительно кровь и плоть принимаем? Нет, я понимаю, что нас этому учат, на службе об этом говорят. Но вы считаете, что все это по-настоящему?

– Конечно! – уверенно ответил Дима

Юленька пожал плечами:

– Мне это всегда казалось неким символом – нам сказано вспоминать, мы и вспоминаем.

– А смысл тогда в чем? – не унимался Дима. – Просто вспоминать мы и во время молитвы можем. А когда мы принимаем Его плоть и кровь, мы сами лучше становимся. Это же физическое единение между собой всех верующих.

– Красиво говоришь! – не удержался Волков.

– Зачем же ты тогда сам сегодня причащался, раз так тебе забавно?

– Зачем причащался? Да просто с рождения православный и гимназию закончить хочется. Что же я, зря учился? Не бросать же и вас на предпоследнем году. Пей компот, Дима!

После тягот Великого поста и волнений исповеди, впереди ждало радостное воздаяние – Пасха и следующие за нею пасхальные каникулы.

Конечно, этот светлый праздник ждали с особым трепетом. Настолько особенным и радостным не было, пожалуй, даже Рождество – ведь из всех когда-либо родившихся мессий или пророков лишь Христос воскрес после своей смерти.

Последняя, Великая суббота перед пасхальной ночью была особенно строгой. В доме Кононовых по повелению Дмитрия Петровича на завтрак и обед ели только сухари с несладким чаем. Ужина не полагалось вовсе, зато ночью, уже по приходу из храма, можно было полакомиться пасхальной снедью.

С раннего утра Лиза натерла в доме все полы, а после они с Еленой сложили куличи, творожную пасху и крашеные яйца в корзины и понесли освящать к Владимирской церкви.

Когда они ушли, Саша заглянул в кабинет к отцу, где тот беседовал о чем-то с Денисом.

– Папенька, я отлучусь на четверть часа? – спросил гимназист, как ни в чем не бывало.

Но отец вдруг немного нахмурился.

– По какому же важному делу?

Саша даже немного растерялся от такого вопроса.

– Да, собственно говоря, не по какому. Просто. Может до Ю... то есть до Миши дойду.

– До Миши завтра дойдешь, когда Пасха наступит. А сегодня потерпишь до вечерней службы. У тебя дел никаких? Можешь уроками заняться. Или Писание почитать – к экзаменам

тоже пригодится. Голову и душу чем-то дельным займи. А каникулы и все прочие радости будут с завтрашнего дня.

– Хорошо, папенька, – проворчал Саша и поплелся к себе.

Украдкой он уволок с кухни сухарь и, сев у себя за стол, стал его грызть, снова глядя на окна по другую сторону двора. Правда, пока не стемнело, глядеть было особо не на что.

Радость от ожидания у него заметно поутихла. Он сам не видел ничего предосудительного в пешей прогулке и разговоре с приятелем, но уйти, нарушив запрет, конечно же, не мог.

В конце концов, он пролистал дневник, припоминая, что было задано на последних уроках, и в итоге решил несколько задач. Делать устные упражнения или же учить что-то не было смысла – через неделю, перед самыми занятиями все равно бы пришлось все переучивать заново.

Затем гимназист вполне здраво рассудил, что времени до вечера еще полно, дел немного, а силы для ночной службы еще понадобятся, и решил вздремнуть. Проспал он целый час, зато глубоким и безмятежным, крепким сном, какой бывает, пожалуй, только в теплое время года.

Проснувшись, он стоически переборол не желание, а скорее привычку нашарить под кроватью припрятанный там «Декамерон», который он взял у Антона, да так и не начал читать. Взглянув на часы и вспомнив про задачи, Саша поспешил пересесть за письменный стол, где его принялись на пару искушать Жюль Верн и Конан Дойл – томики обоих лежали на узкой полочке под столешницей.

Вот уж нет, думал Саша, раз решил до конца поста держаться, то уж продержусь. Хотя бы просто из принципа. Тем более что осталось всего несколько часов до Светлой Пасхи.

Но, насколько просто было не выйти из дома или не открывать книгу, настолько же трудно оказалось усмирить свое воображение.

Раз за разом вставляли перед его мысленным взором картины из кровавой легенды, рассказанной ему Филиппом Лорелом.

Саша старался убедить себя в том, что теперь не время вспоминать, перебирать в памяти подобное, но уже ничего не мог с собой поделать. Образы всплывали в памяти, неслись, как в синемафотографе, будто бы он и в самом деле посмотрел эту историю, а не услышал.

Это было тем более странно оттого, что в последние дни, особенно после исповеди, он не вспоминал вечер в гостях у мистера Лорела.

К счастью, скоро пришли маман с Лизой, довольные и радостные. Куличи, пасху и яйца они оставили на кухне, укрыв чистыми полотенцами.

После обеда, состоящего все также из сухарей и теплой воды, Саша украдкой заглянул на кухню, приподнял краешек полотенца и принялся к сладкой и тонкой смеси аромата куличей и принесенного с ними в корзинах свежего весеннего воздуха.

Когда стемнело, стали, наконец, собираться к заутрене в храм. Пришли заранее, чтобы встать поближе к алтарю, и, конечно же, получилось так, что стояли очень долго.

К самому началу заутрени ноги у Саши затекли, а голова гудела, но, как только служба началась, он почувствовал удивительное облегчение. От физического утомления все происходящее казалось ему еще более мистическим и торжественным. От огня и тепла свечей, от дыханий собравшихся людей, казалось, плыл, рябил, как вода, пропитанный ладаном воздух. «Как это красиво, – вдруг подумалось Саше. – И какое же это все древнее – старое, как мир – все эти молитвы, весь этот ладан, вся эта вера... Не христианская, а просто вера. Интересно, в древних Фивах Амону жгли ладан с такой же искренней верой?»

Свечки, что до конца не сгорели, принесли домой и поставили среди приготовленных на завтра куличей и пасх. Один кулич, правда, съели ради праздника тут же, и выпили по половине бокала сухого вина.

От вина Саше, уставшему за весь этот день и за долгую службу, захотелось спать просто смертельно. В эту ночь он спал очень крепко, ровно, без сновидений, а проснувшись поутру с удовлетворением отметил, что всю вторую половину минувшего дня он почти не вспоминал Филиппа Лорела.

Наступило Пасхальное воскресенье – праздник еще более радостный оттого, что являлся первым днем каникул.

Утром Саша похристосовался со всеми домашними, даже с Лизой, отчего та зарделась пуще пасхального яичка.

К обеду пришли Барятовы, шумные и радостные – даже кислый Геночка счастливо и загадочно улыбался.

Сидя за праздничным столом, Саша вновь вспомнил о своих англичанах – ему вдруг очень захотел повидать их и поздравить с Пасхой. Даже если им и поздравления, и Пасха без надобности. Так вышло бы даже интереснее – снова бы поспорили с мистером Лорелом.

Конечно, в этот день он к англичанам не пошел. После горячего Саша с позволения папеньки распрощался с домашними и с гостями, набрал полные карманы крашенных яиц и побежал к Мише-Юленьке. У них с друзьями была на этот день договоренность собраться «по цепочке» – Саша идет к Юленьке, вместе они идут к Юре Волкову, а затем к Диме, и там уже решают, куда идти дальше и что делать.

Юленька в ожидании уже топтался в прихожей. Дверь в его квартиру была открыта настежь, и из кухни несся на лестницу изумительный аромат печеной курицы.

– Христос воскрес! – воскликнул Саша с порога.

– Воистину воскрес! – радостно ответил Юленька, они расцеловались и обменялись яйцами.

У Юленьки дома яйца всегда красили в удивительно темный, почти шоколадный цвет.

Правда, подаренными друг другу яйцами они тут же, в прихожей, стали биться, а разбив, конечно, тут же съели.

Собрав скорлупу, Юленька исчез с ней в кухне, а через минуту вернулся через совершенно другие двери – оказывается, прошел кругом через всю квартиру, сказав своим, что уходит.

Дальше они, как заметил Юленька, «пешком побежали» к Волкову и долго звонили в дверь, прежде чем он вышел к ним уже одетый.

– Ну что, пошли? – быстро спросил он, не давая друзьям произнести главных пасхальных слов. Дверь он тут же закрыл за собой – Юра Волков не слишком любил приглашать гостей к себе домой. Дима предполагал, что он просто стесняется, поскольку семья его живет довольно скромно, отчего и сам Юра вынужден подрабатывать репетитором с первоклашками. Но Саша, единственный из них троих побывавший у Юры дома, понял, что причина тут в другом: в этой квартире было очень хмуро, темно, там не имелось картин и даже книг – разве что в Юриной комнате, где можно было жить и дышать.

Маменька Юры тем вечером так и не вышла, сказавшись нездоровой, а папенька – невысокий, угрюмый и лысоватый человечек – глухо пробурчал приветствие и поспешил скрыться в кабинете. В тот день Саша понял, почему Юра так любит спорить – вся его жизнь была спором с той почвой, из которой он вырос.

Пасху у Волковых дома, похоже, праздновали – во всяком случае, из квартиры доносились голоса, звуки застолья и запах жареного мяса – но друзья знали, что сам он «баловство с писаными яйцами» не признает, никогда ими не бьется и не меняется. Поэтому они просто протянули ему по яйцу.

– И чтоб оба съел! – строгим тоном отрезал Саша, не давая Волкову времени возразить.

Тот прыснул со смеху и положил яйца в карманы.

Двинулись к Диме. Дорогой Саша взглянул украдкой на Юру и увидел, что тот перевернул плечами, как птенец коршуна, выползший из своего гнезда в скалах на солнечную лужайку.

Дома у Гуриных дверь открыла «веселая вдова» – так Дима за глаза, любя, называл свою старую тетушку. Она действительно была вдовой и действительно очень веселой, добродушной женщиной.

– О, молодые люди! Христос воскрес, Христос воскрес! – пропела она и каждый из гимназистов, ответив «Воистину воскрес», склонился и поцеловал ее теплую морщинистую щеку. – Проходите, юноши, проходите. Дима? Конечно, он еще не готов! Проходите, не стесняйтесь.

Квартира у Гуриных была большая, просторная. Много комнат, много света и много людей: большая семья – папенька, маменька, бабушка, трое детей – на праздники удваивалась, а то и утраивалась.

Сейчас все двери в квартире были открыты настежь, маленькие дети, приведенные родителями на праздник, носились всюду, возглавляемые Диминой пятилетней сестренкой. На полу в гостиной лежали игрушки – и старые, и новые, только что освобожденные от коробок и оберток.

Дима высунулся из столовой в гостиную, воскликнул «Ой!» и исчез еще на несколько секунд. Вернулся он с тремя пасхальными яйцами – не просто крашеными, а расписными. Он раздал их друзьям, похристосовался со всеми и стал представлять всем выглядывающим в гостиную любопытным родичам. Пришли и хозяева, Димины родители.

Наконец, нагнавшись на новых гостей и поняв, что надолго они не останутся, все снова разбрелись – кто в столовую, чаевничать, кто в кабинет – курить.

– Я знаю, куда нам пойти! – торжественно объявил тогда Дима друзьям.

Сказал он это так торжественно, что все трое даже несколько насторожились. Дима только рассмеялся их лицам, махнул рукой и продолжил:

– У меня приятель есть, актер. Он мне сказал, что сегодня они большой компанией молодых актеров и студентов собираются в одной студии. Будут играть «Ромео и Джульетту», просто так, для себя, для тех, кто придет. Надо будет только для приличия захватить что-то поесть или выпить – все-таки, считайте, в гости идем.

Все с легкостью согласились на Димин план: своего ни у кого не имелось, а посмотреть за простой гостинец спектакль казалось довольно заманчивой идеей. Так что Дима прихватил один из горы куличей, имевшихся у него дома, а на бутылку вина скинулись и купили по дороге.

Студия, в которую они пришли, оказалась не актерской и даже не художественной, а какой-то артистической мастерской. Туда уже понабилося изрядно народу и практически все стулья, кресла, лавки и табуреты были заняты.

Принесенные еда и питье составлялись на общий стол, который уже окрестили театральным буфетом, но надолго там ничто не задерживалось.

Четверо гимназистов сдали то, что принесли, в «буфет», себе взяли по куску имевшейся снеди и сели на подоконник широкого окна – от сцены далековато, но только там удалось разместиться.

Волков в один момент умял свой кусок кулича и положил голову Саше на плечо.

– Я подремлю до второго отделения?.. Разбуди, если в первом кого-нибудь убивать начнут.

– Спи, мой хороший. Пусть тебе приснится тень отца Гамлета.

– Люблю я тебя, Кононов.

– Два Ромео, – хмыкнул кто-то из сидящих впереди.

– Твое счастье, о презренный, что Христос воскрес, – успел выпалить Саша, прежде чем публику призвал к тишине звонок – за хилыми, складными кулисами кто-то отчаянно трезвонил в простой колокольчик.

Затем из-за кулис нарочито степенно и важно вышел молодой человек в тоге и в лавровом венке и, встав в позу, стал читать пролог. Зрители зааплодировали, кое-кто не удержался от смешков – вполне, надо сказать, ожидаемых. Начиная этим и кончая свадьбой веронских влюбленных, все первое действие было сыграно легко, просто, без запинки, то с искренними слезами на глазах, то с изрядной долей юмора, порою на грани фарса.

Впрочем, все молодые актеры ведь понимали, что они не в Александринском театре, что сегодня праздник, и что зрители собрались в ожидании простого студенческого представления. Декорации были условны, костюмы – напротив, пестры и разнообразны. Джульетта, например, была одета в платье явно из эпохи ампира, Тибальт все время проходил в каком-то сценическом, блестящем подобии кольчуги, зато с повязанной на плече красной лентой, отмечавшей его принадлежность к семейству Капулетти. У Меркуцио же в костюме были вещи, явно позаимствованные из облачения шута или Арлекина, что, однако, не нарушало, а скорее дополняло его образ.

От всего этого спектакль вышел по-настоящему площадным, задушевно-балаганным – истинно Шекспировским.

Никто не смотрел, затаив дыхание, – многие переговаривались, перешучивались по ходу пьесы, спокойно вставали, чтобы выйти покурить или взять что-то с «буфета», при этом уверенные, что никого ничем не обидят. Сцена и зал невероятно чувствовали друг друга.

И все актеры были так красивы! Не физически, не чертами – далеко не все они являлись эталонами красоты – но каждый излучал необыкновенный свет. Казалось, что то нежное, сокровенное нутро, которое люди обычно таят ото всех, эти молодые, талантливые актеры сейчас открыли – разорвали толстый кокон и показывали светящийся мед своей души всем желающим, держа его на раскрытых ладонях, как дети. Они еще прожили на сцене так мало жизней, образы еще не успели нарасти на них, как слои папье-маше.

Друзья просидели в студии весь вечер. После окончания спектакля началась общая кутерьма: доедали остатки еды с «буфета», посылали кого-то за новыми порциями, заводили граммофон, через пять минут его выключали и играли на пианино. Юра, как всегда, взялся спорить с Димой о религии, о душе и человеческой совести. Юленька побежал говорить по очереди со всеми актерами, выражать им свое восхищение.

А Саша наблюдал за происходящим, просто наслаждаясь течением жизни вокруг себя.

– Кононов, у тебя такая блаженная физиономия, – заметил Волков, вернувшийся на подоконник отдохнуть от праведных споров.

– Я... – Саша потянулся, а затем блаженно прикрыл глаза. – Я довольная, толстая жаба на теплом камне посреди реки. И я не слышу, как ты смеешься, глупая гиена.

Расходиться народ начал часов в девять. Саша с Юрой решили, что пора бы и им честь знать, отловили среди гостей Юленьку, подозрительно молчаливого, а следом за ним и Диму. Последний впрочем, уходить отказался – у него в этой компании было несколько приятелей и знакомых, с которыми он давно не виделся. Он только попросил Волкова, жившего с ним рядом, заглянуть к нему и сказать домашним, что он не придет ночевать.

На лестнице в парадном выяснилось, что Юленька хлебнул лишнего. Поступь, не подводившая его на ровной поверхности, никуда не годилась на выложенных плиткой ступенях.

– Юлька! – рявкнул на него Волков, придерживая за шиворот. – Ну ты и разговелся. Я-то думаю, чего он молчит, не сопротивляется, когда его уводят.

– Я не виноват, – пробормотал Юленька. – Мне водки налили, сказали пить. Ак-ктеры.

– Лицедеи – слуги Дьявола! Разве не знал? Давай, шагай, держу я тебя. Ну что, Кононов, сначала Юльку домой доставим?

К счастью, по улице Юленька вновь пошел прямо и почти твердо. Щеки у него горели, но скорее от стыда, чем от выпивки.

– Юра, тебе же здоровенный крюк придется делать, сказал Саша в какой-то момент. – Хочешь, я его доведу?

– Не, – отмахнулся Волков. – Я не тороплюсь.

Придя домой, Саша не стал рассказывать домашним о проведенном дне – так хорошо ему было сегодня, что не хотелось ни с кем делиться.

Глава четвертая. Ренефер

И наконец-то понеслись долгожданные каникулы.

Первую неделю, Пасхальную, в доме каждый день бывали гости – родственники, крестные, просто друзья. По всему городу, звонили пасхальные колокола, весна набирала силу.

В конце недели Саша вновь повидался с Антоном – впервые после того вечера у англичан. Ижевский был весел, как ни в чем не бывало, о глинтвейне и Филиппе не вспоминал, но Саше отчего-то казалось, что он нарочито молчит об этом. Например, Антон спросил о том, как у него дела, как проходят каникулы, а Саше подумалось, что он хочет узнать, не ходил ли гимназист в гости к англичанам еще раз. И еще – что Антону очень не хочется, чтобы он к ним ходил.

Странно, но именно от этого Саше действительно захотелось воспользоваться приглашением Филиппа.

«...буду счастлив, если вы навестите меня еще раз», как сказал мистер Лорел. Это, конечно, уже не «*Буду рад с вами вновь как-нибудь повидаться*», но и еще не «*Обязательно приходите!*». Может статься, англичане просто нальют ему чашку чая из вежливости, а через полчаса тактично заметят, что у них неотложные дела. Или вовсе не вспомнят и не пустят на порог – это, впрочем, в крайнем случае.

Представив себе такие варианты и подумав так, что раз уж это худшее, что может случиться, Саша во вторую среду каникул все же решил навестить новых знакомых. Тем более что до знакомства с Филиппом ему не приходилось общаться с иностранцами.

Идя по городу, Саша чувствовал, что солнце стало еще немного теплее, и его уже не слишком волновало, как примут его англичане.

Оказавшись на знакомой уже улице, он остановился и вновь призадумался: идти ли в гости? Уж больно долго он тянул с визитом.

Едва приблизившись к двери подъезда, он однако отошел и присел на одну из лавочек во дворе. Что-то его останавливало – вероятно то же, что и влекло в эту квартиру. Филипп был ему очень интересен и симпатичен, а еще ему чудилось в этом человеке что-то... родственное что ли? Именно такое впечатление о ранее совершенно незнакомом человеке и настораживало его, заставляло задуматься, подождать.

К тому же, у него никак не укладывались в голове странные обстоятельства их знакомства, особенно, плохо объяснимое поведение Антона. Может, стоило бы подробнее расспросить Антона об этом Филиппе?

Саша уже почти отвлекся от мыслей о визите, когда перед ним возник Саймон Мейерс.

– Добрый день, Александр. Не правда ли, день сегодня чудный?

– О, доктор Мейерс, здравствуйте. Да, погода балует...

– Вы, верно потому и сидите тут так долго? Мы увидели вас из окна. Не желаете ли подняться? Филипп очень ждет вас... Идемте же! Чего вы боитесь?

– Помилуйте, чего мне бояться?

Саша встал и последовал за Саймоном. Тот ободряюще хлопнул юношу по спине.

«Надо было сразу заходить, – думал Саша с досадой. – Все равно ведь за этим пришел. А так получилось, что напросился...»

Мистер Лорел встретил их в гостиной: он поднялся с дивана, откладывая в сторону какую-то книжицу.

– О, мой дорогой Александр! Наконец-то вы пришли. А я думал, что вы совсем позабыли про старого философа.

– Что вы мистер Лорел! Откровенно говоря, не хотел вас стеснять. Да и какой же вы старый?

– Смотри в сравнении с кем. С вами – вероятно, уже староват. Ну-ну! Не надо мне льстить. Поверьте, я выгляжу много моложе, чем есть на самом деле. Присаживайтесь.

– А я вас, с позволения, оставлю, – поспешил вставить Саймон. – Александр, рад был вас снова увидеть. Филипп. – И, раскланявшись, удалился.

Филипп всецело обратился к Саше:

– Так, Александр, рассказывайте.

– Что же рассказывать?

– Как что! Чем жили последние две недели?

– Каникулы идут, жить можно. Пасху отпраздновали.

– Этот праздник, насколько я успел заметить, имеет для русских особое значение. Встречали в кругу семьи?

– Конечно. Все вместе в собор ночью ходили.

– Вы соблюдали пост?

– Да, все как следует. Только у вас один раз нарушил.

Саша, будто немного смутившись, замолчал. Наступила неловкая пауза, особенно мучительная в разговоре симпатичных друг другу, но пока чужих людей. Он стал, как ему казалось, украдкой, оглядываться по сторонам и приметил на краю бюро большую книгу, вероятно, какой-то альбом.

– О, я вижу, вы заинтересовались... – сию же минуту заметил Филипп. Встав с дивана, он подхватил книгу и протянул ее Саше. – Взгляните. Думаю, не останетесь равнодушным...

Саша учтиво кивнул и осторожно открыл новехонький, чуть блестящий фолиант.

Предисловие на первой странице было на французском, но Саше было лень разбираться, так что он пролистнул далее.

И тут же ахнул – не сдержался. Филипп, казалось, лишь этого и ждал: он поспешил сесть ближе к юноше, словно желая уловить самые тонкие его эмоции, всматриваясь в его глаза, горящие, как угольки. На картины в альбоме он внимания почти не обращал.

А там, между прочим, был настоящий «цветник» – нежные, юные девы представляли в мягких, пастельных тонах, среди замысловатых и чудных линий рисованного мира. Позади одной был лес, позади другой – цветущий сад, а третья стояла на берегу лазурного моря.

Цвет их волос, глаз, самой кожи, окружающая обстановка, – все менялось, кроме того обстоятельства, что барышни были не вполне одеты. Изящные, будто алебастровые статуи, с глазами, невинными, как у лани, и полными губками, сложенными томно и нежно.

– Бесовки! – рассмеялся Саша. – Хороши, сил нет!...

– Хороши, – подтвердил Филипп.

Сам он украдкой все смотрел на Сашу: наблюдал за каждым мановением ресниц, движением зрачков, за тем, как румянец вспыхивал на щеках юноши.

Особенно Саше понравилась одалиска со смуглой кожей и озорными глазами. Все изображенные здесь красавицы были молоды и свежи, но эта казалась особенно юной, возможно, оттого, что грудь ее была небольшой, едва округлой. Впрочем, благодаря этому ее стан выглядел изящным и точеным, как у статуэтки.

Саша смущенно ухмыльнулся:

– А вот эта у меня была бы звездой гарема.

– Недурна, – согласился Филипп, бросив взгляд на страницу. Но та пристальная завороченность, с которой Саша разглядывал литографии в альбоме, занимала его намного больше.

Растревоженный, смущенный детеныш, такой милый и такой интересный...

Дверь открылась, и на порог с поклоном ступила Кэт.

– Все готово, хозяин. Куда прикажете подать?

– В кабинет, я думаю, – пожал Филипп плечами. – Вы ведь не против, Александр, если мы переберемся туда?

– Как скажете, мистер Лорел...

– Вот и чудно! Этот живописный гарем можете прихватить с собой.

Саша послушно последовал за Филиппом.

Кабинет оказался обставлен вполне мило, мирно и обычно. В шкафах из светлого ореха темные тисненные переплеты книг жались друг к другу, словно дрова в поленнице. Стройный их ряд нарушался на одной только полке – напротив письменного стола.

Там книги стояли неровные и разномастные: от здоровенного ветхого фолианта до пачки новеньких брошюр... К слову, стол хозяина тоже не отличался порядком. В центре его покоилась новенькая, блестящая пишущая машинка, окруженная россыпью смятых листов бумаги, словно увядшими цветами. Также на столе имелась шкатулка, справочник по орнитологии, ваза с пионами и пачка свежих, чистых листов, увенчанная человеческим черепом.

Саша водрузил книгу с девами на книгу с птицами, и вместе с Филиппом они сели в кресла у камина.

Вскоре Кэт подала на стол.

Саша весь так и подался вперед, к столику, стоящему меж кресел – там призывно расположились тарелка с пирожными (эклерами в шоколаде и песочными корзиночками с фруктами), серебряная креманка с мелкими конфетами (похоже, миндалем в шоколаде), бутылка лимонада и бокал с... Бог ты мой, шампанским с ананасами!

Филипп смотрел на юношу, приложив палец к губам, будто надеясь скрыть лукавую улыбку.

– Надеюсь, я не позволил лишнего?.. Угощайтесь. Вы, верно, голодны?

– Благодарю, мистер Лорел! – Саша схватился за лежащий сверху эклер. – Вы меня безбожно балуете!

– Поверьте, мне это доставляет безмерное удовольствие. Ваше общество, мой юный друг, для меня как глоток чистого воздуха! Знаете, я так счастлив, что вы все-таки пришли... Я очень рад вас видеть.

– Я тоже, мистер Лорел, – подхватил Саша. – Я прошлый вечер с глинтвейном вспоминал все эти две недели. Вы такой интересный человек!.. А что это у вас за бедный Йорик? – спросил Саша, вновь заприметив жутковатое пресс-папье.

Филипп оглянулся и даже украдкой улыбнулся лежащему на столе черепу. Затем он встал и взял его в руки.

– О, это не Йорик. Хотя, может, он и был королевским шутком – шут его знает! Череп очень старый...

– А про него есть страшная история?

– А вы хотите страшную историю?

Саша от души хлебнул шампанского и пожал плечами.

– Прошлая мне очень понравилась.

– Тогда могу рассказать вам еще одну, Александр, если вы не боитесь. Вы не боитесь?

– Нет, разумеется!

Филипп подошел к креслу, но так в него и не сел.

– Давайте расположимся прямо на ковре? Вместе с вашей трапезой, разумеется.

– Да ради настоящего вечера древних ужасов я на полу вовсе без еды устроюсь. Тем более что я с вами согласен – ковер много удобнее.

Отодвинув кресла и стол прочь, расставив на полу блюда со сладостями, они сели на ковер по-турецки, друг напротив друга. Филипп с довольным видом положил череп перед собой, поднял взор на юношу и ласково ему улыбнулся.

В кабинете отчего-то сделалось невероятно душно. Выпитое шампанское ударило Саше в голову – так быстро и сильно, словно специально выжидало момент.

Саше вдруг стало до дрожи жутко от взгляда Филиппа. На единое мгновение ему почудилось, что он смотрит в глаза собственного отражения.

Легкая боль сдавила Саше виски, он на мгновение зажмурился и повалился на ковер в странном подобии сна или обморока.

Филипп мгновенье-другое удивленно смотрел на спящего юношу. Затем, чуть приблизившись, он склонился, пристально вглядываясь в Сашино лицо. «Красивый мальчик», – думалось ему. Впрочем, юноши этого возраста редко бывают некрасивы или лишены обаяния.

Нет! Что-то другое, не только и не столько красота, виделось ему в этом облике.

Он осторожно провел рукой над лицом юноши, не касаясь кожи, чуть шевеля пальцами, будто грея их над бьющимся, горячим огнем свечи. Затем он приблизил и свое лицо к его, не то согреваясь тем же теплом, не то прислушиваясь к его дыханию.

– Обычный темноволосый ангелок, – произнес он, наконец, будто подводя итог исследованию.

– Простите, мистер Лорел! – Саша вскочил так резко, что чуть не врезался головой в лицо Филиппа. – Я пропустил начало вашей истории? Я надолго заснул?

– На секунду, не больше.

– Сам не знаю, как такое получилось. Это все шампанское! Квасок таможенный...

– В кабинете порядком душно. Погодите...

Филипп поднялся, подошел к окну и открыл узкую форточку, расположенную у самого подоконника. Рядом он зачем-то положил череп и тот словно устался на улице, грустный, неподвижный и беспомощный. От свежего прохладного ветерка, потянувшегося в комнату, Саше быстро стало легче. Сам Филипп тоже отчего-то стоял, тревожно переводя дыхание.

– Мистер Лорел, все в порядке?

– Да! Да, топ шер. О чем это я? Ах да! Страшная история...

И он снова говорил словно бы чужими словами.

«Это случилось во времена очень давние, когда земля, ныне зовущаяся Египтом, носила иное имя – Кемет.

Купец и торговец Маи в свое время оставил Фивы вместе с большинством людей, стремящихся жить в столице. С собою он привез свою дочь – Ренефер. Жена его умерла при родах, и ребенок был для него величайшим сокровищем. Он заботился о ней и воистину лелеял ее, будто садовник – царскую розу.

Во времена религиозной смуты Ренефер была еще совсем ребенком и не знала иной родины, кроме новой столицы и иной веры, кроме веры в солнечного Атона.

Годы шли, ускользали, словно воды Великого Хапи, в вечность. И Ренефер расцвела благодарным цветком, превратившись в настоящую красавицу, оправдав свое имя.³ Когда ей минуло пятнадцать лет, и по восточным меркам она превратилась в зрелую молодую женщину, настало время подумать о замужестве. Многие знатные люди, с которыми Маи состоял в добрых отношениях, делали ей предложения, но всем отвечала отказом капризная красавица, а отец не противился желанию дочери.

В ту пору умер от лихорадки помощник и писец Маи. Он был хозяину еще и давним другом, и оттого еще придирчивей выбирался новый. Наконец, когда бумаги и дела пришли в полный упадок, и ждать дальше было нельзя, он нанял смекалистого и способного юношу по имени Тао.

³ Ре-нефер – «красавица Ра»

Юноша был красив и сразу приглянулся Ренефер. Чувства ее оказались взаимными: каждое утро он клал на столик у ее кровати белую розу. Конечно, это все не укрылось от внимания отца, который не препятствовал подобному развитию событий, но и выдавать дочь за небогатого, незнатного юношу тоже не собирался, а просто позволял пока эту игру в любовь, воспринимая ее не более, чем забаву. О, как же он ошибался! Если б он наперед знал, какую роль сыграет этот юноша в жизни его драгоценной дочери, одни боги ведают, как бы он поступил. Убил бы он его или пал перед ним ниц, проклял бы навеки или благословил? Однако ему так и не суждено было этого узнать.

...Как-то Маи собрался в новое плавание к чужим берегам за ценными и диковинными вещами. Тао он брал с собой. Ренефер боялась отпускать их, ибо беспокойно было в Кемете. Страна теряла величие и порядок, что создавались на протяжении сотен лет. Но дальние странствия и сопряженные с ними опасности были для Маи привычны, а Тао, хоть и молчал о том, жаждал увидеть иные земли. Ренефер была бы счастлива отправиться в путь с ними, а не ждать в бездействии дома, но отец ни за что бы не позволил ей этого.

Тао она отпускала в плавание, словно жена – мужа. По сути, они и были мужем и женой, ибо уже много ночей делили ложе и не представляли жизненного пути друг без друга. И этот путь им предстоял долгий...

Но, как бы то ни было, в середине лета Маи отправился в плавание.

Шло время... Вот и Хапи весной, знаменуя воскрешение Осириса, поднял свои воды и дал жизнь папьям, как происходило уже сотни лет... Да, старые боги по-прежнему были рядом с людьми, их присутствие оставалось не менее зримым, чем палящий зной Атона.

Минул год.

Все чаще Ренефер в сопровождении старой служанки-рабыни стала приходить в порт или просто гулять вдоль берега реки, всматриваясь вдаль. Она видела множество кораблей, сверкавших в лучах Атона белизной парусов. Она расспрашивала матросов и купцов, бывавших в дальних странах, зачастую знакомых ей лишь по легендам. Но никто ничего не слышал ни о ее отце, ни о возлюбленном.

Так прошло три года. Мир менялся: и для высот царского престола, и для простых смертных. Горизонт Атона терял свой блеск и красоту, оказавшиеся невероятно хрупкими в противостоянии Фивам – городу Амона, древнейшего солнечного бога Кемета. Фараон оставил вниманием даже свой город, боясь видеть, как рассыпается в прах его мечта.

Не оставляли беды и его народ. Многие из тех, кто пришли сюда вслед за ним и его чаяниями и верой, уже начинали стареть и увядать, покидать земли живых, отправляясь в Западные края...

Через два года после отплытия Маи у его давнего друга Аати умерла жена. Погоревав, он решил жениться вновь. Он был уже не юн, но бездетен и рассудил, что высшим благом для него была бы молодая жена.

Он стал являться к Ренефер с дорогими подарками. Вначале она спокойно, но вежливо принимала их, а когда он уходил, посмеивалась над стариком. Однако вскоре она всерьез задумалась: не принять ли предложение? Она уже теряла надежду на возвращение тех, кого любила, подруги давно стали женами и матерями, родственников в Горизонте Атона у нее не было.

Для почтенного, умудренного жизнью Аати стало величайшей и даже слегка неожиданной радостью столь быстрое согласие молодой красавицы.

Но этот брак не принес счастья никому. Спустя месяц после свадьбы Аати слег, годы брали свое. Ренефер заботилась о нем, как и подобает хорошей жене, но ни она, ни лекари уже не могли вмешаться в предначертания судьбы. Оставалось только ждать.

Однажды ночью, едва Ренефер легла, ее разбудили сразу две служанки. Одна плакала, говорила, что господину Аати совсем плохо, а другая – что у ворот дома стоит какой-то человек. Незваного гостя Ренефер велела прогнать, а сама пошла в комнату мужа.

С первого взгляда ей стало ясно, что старик умирает. Она села рядом, взяв его за руку.

– Пошлите за лекарем, – сказала она служанке.

Но Аати жестом велел той остаться.

– Не стоит, – проговорил он с трудом. – Дайте мне уйти к Осирису в мире и покое... – Он посмотрел на Ренефер и, насколько был в силах, сжал ее руку. Он больше ничего не говорил, только смотрел ей в глаза.

Время тянулось очень долго, медленно, и наконец земной путь почтенного Аати завершился. В комнате наступила тишина – клубящаяся, гулкая, темная.

Ренефер поднялась, еще раз взглянула на мужа, и тяжкий вздох вырвался из ее груди. И вдруг что-то заставило ее насторожиться. Позади нее стояли служанки, но они молчали, ни одна не ударилась в плач. Она оглянулась.

На пороге стоял человек, с головы до ног скрытый хитомом из полосатой ткани с заморских островов, залатанным, в дорожной пыли. Ренефер шагнула вперед и вздрогнула. Она не могла поверить в чудо. Но когда человек откинул с головы капюшон, не смогла сдержать радостного крика – это действительно был Тао.

Они вдвоем спустились в сад возле дома, подальше от чужих глаз и ушей. Ренефер не знала – горевать ли ей или радоваться? Казалось, она вот-вот лишится рассудка от столь разнящихся чувств, нахлынувших на нее.

Они стояли рядом, в тени высоких акаций. Тао обнимал ее, и она чувствовала, что кожа его холодна, как лед.

– Что с тобой? – спросила она. – Ты замерз? О, ты, верно, устал и голоден с дороги!.. Я велю слугам...

– Нет, не стоит, – мягко возразил он.

Оба вновь замерли. Ренефер боялась задать самый страшный и главный вопрос.

– Мой отец?..

Он взял ее руки в свои.

– Твой отец мертв.

На мгновение, казалось, и дыхание, и сердце Ренефер остановились.

– Как это случилось? Кто совершил это?

– Разбойники. Бесчестные люди, чьи гнилые сердца оборвут весы на Высшем Суде. Это случилось уже на острове, на котором мы оказались. Из-за непогоды мы вынуждены были причалить не в нужной нам бухте, а намного раньше. Едва мы сошли на берег, к нам тут же прибrel хромой бродяга в обносках. Он выглядел таким жалким и слабым, что мы, не видя в том зла, позволили ему заночевать в нашем лагере. Однако, поняв, что попал к людям небедным и что у нас есть чем поживиться, он ночью зарезал несколько наших спящих товарищей и стал, крича по—совиному зазывать своих поделщиков. Мы едва успели понять, что произошло, и схватиться за мечи, как все совершилось. Разбойники уже кишели повсюду. Твой отец погиб сразу, а многим пришлось тяжелее – израненные, искалеченные, они стонали, истекая кровью на потеху этим шакалам. Я оказался ранен, но не тяжело, так, что мог идти. Меня и еще двоих выживших молодых мужчин связали и оставили в стороне. Думаю, нас хотели отвести в какой-то город и там продать.

Всю ночь разбойники пили наше вино, пировали нашей снедью, делили добычу... Наутро мы двинулись в путь, а наши мертвые товарищи остались лежать под лучами взошедшего солнца. Долгое время мы шли по лесу, а затем остановились на привал возле развилки лесной

тропы. Тут разбойники стали спорить, очевидно, решая, по какой из дорог им теперь идти. Некоторые были явно напуганы чем-то, но другие лишь смеялись, видя их побледневшие лица.

Один перепугался настолько, что просто вскочил и побежал прочь – обратно к морскому берегу. За ним вдогонку умчался другой. Я думал, он приведет его обратно, но вернулся он один и с окровавленным кинжалом. Этот кинжал он показывал остальным оробевшим разбойникам и что-то кричал. Тогда уже никто не стал сомневаться, по какой дороге идти дальше. Мы снова снялись с места в уже наступающих летних сумерках.

Вскоре я догадался, почему многие разбойники хотели пройти этой тропой – она была нехоженная, почти заросшая. Когда-то множество людей прошло по ней – широкая полоса утоптанной земли все еще виднелась под травами и корнями, – но теперь она была тиха и безлюдна. На ночлег мы остановились прямо на дороге. А затем... Поверь, моя солнечная красавица, все, что произошло дальше, мне не приснилось и не пригрезилось.

О, боги! Мы будто бы спустились в нижний мир и нас окружили невероятные, жуткие существа, низкорослые, уродливые, а с ними – безмолвные воины. Воины убили почти всех разбойников, оставив в живых только двух самых молодых. Их связали так же, как нас, пленных, и повели прочь с тропы, в лесную чащу. У меня кружилась голова, я падал с ног от усталости и небывалой слабости. В бою на берегу я был ранен легко и неопасно, но кровь продолжала течь из-под повязки. Некоторые из уродцев, радуясь, как дети, бегали вокруг всей нашей процессии и то и дело пытались дотронуться своими ручонками до моей раны, но воины их отгоняли.

Наконец, мы пришли. Перед нами предстало большое длинное здание, почти наполовину скрытое под землей. Похоже, когда-то оно было прекрасным храмом, с колоннами, фресками... А теперь мы спустились в него, как в подземелье.

Кругом жарко чадил факелы и масляные светильники. Мы шли по узкому проходу меж колонн. Уроды по-прежнему бежали рядом, один из них не мог идти сам (у него не было ног), и его товарищ волок его на полотнище из выдубленной шкуры. Теперь, при свете, я видел, насколько они омерзительны, то были не просто карлики и калеки: природа и боги хорошо позабылись, создавая их и награждая самыми невероятными изъянами. А вот разум им дать позабыли – по их движениям и крикам и пустым глазам было ясно, что они полоумны.

Остановились мы в обширной зале с низким потолком. Пожалуй, некогда это было удивительное место, сохранившее отголоски былого величия, но то была лишь блеклая тень. Мозаика на полу рассыпалась в крошево, позолота и краска сошли со стен, многие колонны из колоннады лежали на полу, кровля местами обрушилась, и ночной свет свободно озарял руины.

Тут воины сняли с нас путы и отступили, уроды спрятались во тьме за колоннами. Мы двинулись вперед. Я уже настолько ослаб, что мог идти, лишь опираясь на плечи товарищей.

В конце зала оказался длинный стол, накрытый к простой трапезе. Стоящий рядом человек, завернутый с ног до головы в поношенный плащ, жестом пригласил нас подойти и отведать свежих лепешек, вина и фруктов. Мои товарищи и двое уцелевших разбойников живо набросились на еду, а я не смог даже устоять возле стола, даже отпить глоток вина из чаши, хотя меня и мучила сильнейшая жажда. Я почти потерял сознание и упал бы, не подхвати меня наш мрачный привратник. Он повел меня, почти поволок, дальше, в тихие, темные комнаты, похожие на опустевшие гробницы... Я уже думал, не сам ли Анубис ведет меня в загробный мир, но затем вспомнил, что если я был убит в бою, то мое тело некому было забальзамировать и подготовить для Путешествия. А значит, я не смогу отправиться на Суд Осириса, где должны взвесить мое сердце...

Нет, я был еще жив – я чувствовал боль и холод. Но какой же ужас объял меня от мыслей о страшной судьбе человека, лишённого достойного погребения! Я стал молить спасти меня от этой участи...

В одной из комнат мой бессловесный провожатый, наконец, усадил меня на каменную скамью, выбитую прямо в монолите стены. Я огляделся и увидел, что нахожусь в погребальной камере – посередине комнаты стоял большой, грубой работы, черный саркофаг. Мужчина с видимым усилием сдвинул с места крышку, склонился и стал что-то шептать внутрь саркофага.

Тогда из его тьмы поднялась и явилась на неверный свет лампад женщина. Вначале я решил, что вижу старуху с выкрашенными хной волосами. Но когда привратник подвел ее ко мне и даже усадил рядом, я увидел, что она совсем юная и хрупкая, почти, как ребенок. Она была бледная и такая худая, что я подумал – как же больна эта бедняжка. Тяжелые золотые украшения, казалось, тяготили ее, словно кандалы. Какие тоску и усталость увидел я в ее глазах!.. Даже бог Атум утратил бы этого взгляда. Я опустил взор и вскоре почувствовал, как она осторожно, почти ласково, коснулась моего плеча, а затем – и раны на боку...

Тао неожиданно смолк, будто бы смущенный давними воспоминаниями. Секунду он медлил, потупив взор, но затем вновь улыбнулся своей возлюбленной. А та не знала, верить ли ему – так напугал ее его рассказ.

– Не бойся, моя Солнечная Красавица. Смотри, я вернулся к тебе. Они, этот удивительный древний род людей, спасли меня от неминуемой смерти. У них – у той женщины, что спала в черном саркофаге, – есть горькое волшебное снадобье, способное исцелить от самой смерти. Как только мне стало лучше, я нашел и похоронил останки твоего отца там, где ни крысы, ни другие твари его не потревожат, и положил с ним много золота.

– Благодарю тебя, – прошептала Ренефер. – Но что же за чудовищ видел ты той ночью – тех омерзительных, полоумных существ?

– Они – откуп, цена, которую этот странный народ платит за свою долгую жизнь. С начала времен у них лишь однажды родилось потомство, похожее обликом на обычных людей. Их женщины вовсе не могут производить на свет детей, а от их мужчин у простых смертных рождаются эти несчастные, жуткие создания, и их век недолог... Но довольно об этом! – воскликнул он вдруг, будто желая сбросить тьму воспоминаний. – Теперь я вернулся к тебе, к тебе, моя Солнечная Красавица!

Но Ренефер все смотрела на него с тревогой и глубинным страхом.

– Почему же ты, о мой возлюбленный, четыре весны провел в чужом краю? Раз тот дивный народ не может продолжать свой род, то как же они творят себе подобных? Почему даже разбойники побоялись идти мимо их логова? И почему кожа твоя холодна, как у моего умершего мужа?..

Глаза Тао наполнились печалью.

– Неужели ты страшишься меня? И неужели ты бы предпочла, чтобы в том, чужом краю, я остался лежать без погребения? Поверь мне, я не причиню тебе боли или зла. Я все так же люблю тебя...

Однако Ренефер не слушала его более. Она бросилась прочь, в дом, оставив Тао одного в предраассветных сумерках».

Договорив, Филипп позвал Кэт и велел приготовить чаю для юного гостя.

– А скажите-ка, Александр, – проговорил он, когда они с Сашей перебрались обратно в кресла, – как вы познакомились с Антоном? Если это не тайна, разумеется...

– Какая там тайна? Познакомились мы случайно. Было это два года назад. Я, по правде говоря, гимназию прогуливал, шел по Невскому, делал вид, что спешу: все-таки спешащий гимназист подозрений не вызовет...

– С ним вы тоже невзначай столкнулись?

– Нет. Не совсем. Пробежал я по Невскому, потом вдоль Екатерининского канала, до мостика со львами. Поблизости почти не оказалось народу, я и встал на нем, стал думать, что делать дальше. Но придумать я ничего не успел, потому как появился Антон. Он ведь живет там неподалеку. В то утро он спешил по делам, но вдруг приметил меня. Как потом рассказывал, решил: «Не случилось ли чего с ребенком?» Я его успокоил, он мне даже конфету вручил и пошел дальше. Потом мы как-то столкнулись прямо возле гимназии, улыгнулись друг другу, как старые знакомые, слова не сказали и разошлись. А потом, наконец, мы в кондитерской случайно увиделись. Дело было зимой, очень пирожка горячего захотелось. И вот стою я, уже расплачиваюсь, а последнюю копейку никак из кармана не вытащить – и руки замерзли, и кроме нее чего только в кармане не лежит. На меня потихоньку начала вся очередь роптать. Но тут вдруг появился Антон и, уже как старый знакомый, расплатился за меня. Деньги я ему потом, конечно, отдал. Сели мы вместе, разговорились – так с тех пор и повелось...

– Очаровательная история. Такая трогательная – что-то в духе Бронте или Диккенса. О, а вот и Кэт с вашим чаем! Да он еще и травяной! Тогда, пожалуйста, и я не откажусь. Вы ведь поделитесь, Александр?

Саша рассмеялся: он был безусловно только рад тому, что хозяин наконец-то к нему присоединится, если не за трапезой, так хотя бы за чаепитием.

– А как вы с Антоном познакомились, мистер Лорел?

– О, история нашего с ним знакомства намного темнее и запутаннее. Лучше спросите у него самого. Уверен, что эту историю он расскажет интереснее, чем я.

Они сидели еще весь вечер, говоря о мрачных тайнах древности: о разоренных гробницах, о клятвах на крови, об антропофагах и прочей жути. Вернее, говорил по большей части Филипп – говорил увлеченно, просто-таки с наслаждением вскрывал перед мысленным взором юноши один склеп за другим. Он упивался то ужасом, то восторгом своего юного слушателя.

Наконец, каминные часы пробили девять, а для Саши это время было страшнее, чем полночь для Золушки. Перепугавшись, сотню раз извинившись перед любезным мистером Лорелом, он стал раскланиваться. Успев удержать его на единое мгновение, Филипп предложил в следующую среду не сидеть в четырех стенах, дожидаясь обмороков, а прогуляться по городу – благо, время года и погода позволяют. Саша заверил: «Мистер Лорел, с вами – хоть в джунгли!», распрощался и убежал.

Филипп закрыл за гостем и потом стоял, прислушиваясь к тому, как его шаги стихали на лестнице. Потом он подошел к зеркалу и долго, внимательно смотрел в глаза самому себе. Провел руками по волосам, забирая их назад, но затем вновь взъерошил, встряхнул головой.

– Кэт! – позвал он, возвращаясь в квартиру.

– Ни к чему так орать, – заметила Кэт, уже сидящая в гостиной и попивающая оставшееся шампанское. А его оставалось еще, почитай, целая бутылка.

Перед собой на столике она раскладывала карты Таро по какой-то хитрой схеме.

– Ты в кабинете прибралась?

– Сам прибирайся. Или подожди, пока придет прислуга.

– Мы бы здорово сэкономили, если бы в доме убиралась ты.

– Иди к черту, дядюшка!

Филипп на секунду взял у нее бокал и отпил глоток.

– Не знаешь, во сколько придет Саймон?

– Не имею представления. Хочешь, чтобы он прибирался в твоём кабинете?

– Я хочу поговорить с вами обоими. О нашем новом юном друге.

Глава пятая. Жаннет

– Что Закон Божий, что математика... Все одно – в ответах какая-то ересь получается, – вздохнул Саша.

Трижды он переписывал заново длиннющее уравнение и трижды получал заведомо неверный ответ. Отчего? Вот, хоть ты расшибись, непонятно. Наконец, он решил остановиться на самом правдоподобном варианте, его и переписал из черновика в тетрадь.

– Что же это? До конца каникул еще два дня, а наш хорошист уже что-то в тетрадке рисует...

Ох, и мерзко же прозвучала насмешка, произнесенная прямо-таки елейным голосом!

Саша оглянулся и смерил презрительным взглядом возникшего на пороге старшего брата.

– Денис Дмитриевич, а вы что тут позабыли? У меня ни курсисток, ни водки нету.

– Ну и почерк у тебя, Сашка. Дурацкий...

– Проваливай, братец. Пожалуйста.

– Ладно, не сердчай. Я ведь по делу.

– Говорю же, у меня ни курсисток, ни водки. Денег тоже нет, извини.

– Да послушай! Ты мне завтра с утра будешь нужен. Ты свободен завтра? Разумеется, свободен. Чего тебе делать в последний день каникул?

– А что тебе от меня нужно?

– Завтра увидишь. Правда, Сашка, я не шучу. Мне действительно нужно, чтобы ты завтра со мной пошел.

– Хорошо, – согласился Саша. – Мне и вправду завтра делать нечего. Но меня это дело хоть как-то касается?

– Всех касается, – пробубнил Денис через плечо, уже уходя.

Когда наутро братья засобирались куда-то вместе, Елена слегка удивилась, а Дмитрий Петрович порадовался за сыновей.

– Так и надобно! Давно пора. Вы же братья, а все друг дружке, как чужие. А куда идете? Денис пожал плечами.

– В Летний сад, наверное.

– Правильно. Сегодня погода хорошая.

И сам стал собираться по делам.

Наспех позавтракав, братья вышли из дома, после чего трамваем, конкой, а под конец – бегом, добрались до Васильевского. До уютной маленькой улочки с двумя рядами хлипких деревьев.

– О, вот и Летний сад! – рассмеялся Саша, еще не отдышавшись.

Денис сосредоточенно всматривался в номера домов. Но, найдя нужный, потащил брата на другую сторону улицы, и вместе они нырнули в бакалейную лавку. Посетителей там было достаточно, так что на них никто не обратил внимания.

– Только бы не опоздали, – прошептал Денис, всматриваясь в дом напротив через витрину, заставленную банками кофе.

– Там что, кто-то помирает?

– Нет, не помирает.

– Рожает?!

– Нет, не рожает. Сашка, рот закрой! Смотри лучше...

Ждать им пришлось недолго.

Вскоре на улочку на извозчике прикатил Дмитрий Петрович собственной персоной.

– А он-то что здесь делает? – удивился Саша. – Типография в другой стороне...

Однако отец семейства, похоже, был невообразимо далек даже от помыслов о типографии. Он сошел на тротуар улыбаясь, любуясь букетиком фиалок, который сжимал в руке.

Велев извозчику ждать, он нырнул в подъезд, а спустя почти четверть часа вновь появился, но не один. Под руку с ним шла хорошенькая девица, рыжая, с острым носиком, в аккуратной шляпке с вуалеткой, в длинном сиреновом платье и легкой накидке.

Вместе они сели на извозчика и укатили куда-то.

А Денис с Сашей так и остались стоять с разинутыми ртами за жестяной пирамидой. Неизвестно, когда бы они опомнились, но помог им хозяин лавки.

За время, пока они тут стояли, покупатели успели разойтись, и хозяин взялся покамест подмести пол. Братья же стояли, как истуканы, да еще, для удобства наблюдения, в несколько согнутом положении. Ни покупать, ни уходить они, понятно, не собирались. Поэтому хозяин с чистой совестью слегка поддал младшему веником пониже спины.

Саша так и ахнул, выпрямляясь:

– Ты что творишь, ирод?

– А вы что тут расставились? Думаете, одни такие пришли? У меня, почитай, каждый день чья-нибудь ослиная морда в витрине торчит, певичку эту поджидает. По червонцу скоро с каждого буду брать – магазин открою.

– А что за певичка? – тут же уточнил Денис. – Та, что сейчас вышла?

– Да, – подтвердил лавочник, чуть растерявшись.

– Как звать?

– Ее что ль?

– Ну не тебя же!

– Ее... Жаннет. Как бишь ее?... Гизо! Жаннет Гизо. В каком-то кабаке дорогом поет вечерами. Брать чего будете?

– Папиросы есть?

– Нет.

– Тогда не будем! Сашка, пойдём отсюда.

Братья спешно ушли, а лавочник снова встал за прилавок и проводил обоих недовольным взглядом.

Устроившись неподалеку, на шумном бульваре, оба сидели и думали.

Денис все-таки купил по дороге папиросы и теперь курил уже третью. От этого действия его думы казались весомее... Хотя, они и в самом деле были нележки.

– Певичка в кабаке. Вот позорище-то! – с горечью произнес Саша. – Рыжая! Жертва общественного темперамента... Тоже мне Киприда!

– Она ведь на матушку похожа, – проронил вдруг Денис.

– Ничуть! – вскипел было Саша, но тут же спохватился. Ведь у них были разные матери! Первая жена Дмитрия Петровича умерла, когда Денису не было и трех, но в кабинете папеньки, на письменном столе, по сей день стояла ее фотокарточка...

– Да, – согласился гимназист. – И вправду похожа... Но что мы теперь-то делать будем?

Денис молчал очень долго. Если бы не вся тягостность ситуации, Саша уже принялся бы тормозить его.

– Ничего, – прозвучал наконец ответ.

– Как? Да ты что?! Как же можно такое и...

– Ничего! Я не буду делать ничего. А ты сам решай.

– Чудесно! Молодец, так вот все просто.

– Рот закрой!

– Раскомандовались сегодня, Денис Дмитриевич, – тут Саша еле успел вскочить со скамейки, избежав братского подзатыльника. – С чего ты тогда вообще меня сюда потащил?

– Мне что, охота одному за отцом шпионить?

– А! Если что, мне досталось бы за обоих. Понятно-с!

– Да я тебя!..

– Посреди улицы бить станешь? Ну пусти шинель, не тебе же зашивать.

– Дрянь.

– Откуда ты вообще узнал про... это?

– Коля, приятель мой, их на прошлой неделе вот так же увидел. Боялся – вдруг обознался.

Теперь скажу, что обознался.

– А мне-то теперь что делать?

– Делай, что знаешь.

– А я не знаю!

– Тогда не делай ничего.

– Легко тебе говорить – не твою мать предали!

Денис ничего не ответил, даже не взглянул на брата. Бросив окурочку в урну и оборвав веточку с ближайшего деревца, он быстро зашагал прочь, ничем не показывая, что за ним надо следовать.

А Саша сел на прежнее место и принялся ничего не делать. Даже думать толком не получалось – от злости и обиды мысли путались.

Злился он на Дениса – так бы, казалось, и отходил бы его по физиономии, вздумай он вернуться. Вот ведь двуличная скотина!

А обижен он был на отца – смертельно обижен. Он был поражен подобной гнусностью и лицемерием: накануне вещать о страхе Божьем, а чуть за порог – к мамзельке мчаться.

«Бедная матушка, – сокрушенно подумал он. – Как она перенесет такую подлость? Может, тогда и не говорить ей ничего? Да ведь все равно однажды раскроется. Но как же сказать об этом? Не с порогу же кричать: „Люди добрые, папенька заблудил!“ Тьфу!..»

И все же, первым его желанием было именно помчаться к матери, рассказать ей все. Начистоту, разом, как в омут. Но чем доказать? Черта с два папенька сознается, а Денис, как всегда, за отца будет. И мать наплачется, и сам по шее получит... Вот тебе, бабушка, и Юрьев день – подарок на конец пасхальных каникул.

Елена Андреевна сидела в гостиной за чашкой остывшего чая. Отложив прочь пальцы с недовышитой россыпью вишен, она читала роман – что-то невероятно героическое, что-то про мальтийский орден и дальние плаванья. И про любовь, разумеется. Такая она была умиротворенная, что Саше, в этот момент влетевшему в гостиную, совсем стало дурно при мысли о том, что придется ей сказать.

– Добрый день, матушка, – вымолвил он, войдя.

– Здравствуй. Что так скоро? Где же Дениса потерял?

– Он по делам своим пошел. Я, наверное, сяду заниматься.

– Ступай.

Саша прошел к себе в комнату, бросил фуражку и куртку единым комом на кровать и сел за стол.

А может, и не говорить никому? Ведь не первую же неделю папенька на Васильевский катается, и не знал никто, все жили спокойно.

– Работает, себя не щадит... – процедил он, зло передразнивая не то маман, не то Ольгу Михайловну.

Мысль о том, что он увидел сегодня утром, металась в его мозгу, не в силах согнуть, билась в его крови, отравляя своей желчью. Раз-другой он вскочил, подбежал к двери, затем вернулся, прошел туда-сюда по комнате и вновь сел за стол.

– Саша, с тобой все хорошо? – окликнула его из гостиной мать. – Мечешься, как мотылек...

Саша замер, кусая губу. Что же делать? Ответить, что все прекрасно, и вправду сестра за уроки?

Но ноги сами понесли его в гостиную, безо всякого согласия с его головой.

Едва он встал перед матерью, та, похоже, не на шутку встревожилась. Он же опустился на пол рядом с ее креслом, поглядел в ее лицо, даже раскрыл рот, чтобы начать говорить... Да тут же осекся и поднялся на ноги.

– Саша! Прямо мне скажи, что случилось! – совсем перепугалась Елена.

– Да тут так сразу и не скажешь, – пробормотал Саша, отшагнув прочь, скользя взором по узору ковра. – Маменька...

– Ну же!

– Ты прости меня только, если что. Скажи, вы ведь с папенькой не бранились, не ссорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.